

An impressionistic painting of a man with a beard and a dark coat leaning on a tree branch in a forest with vibrant autumn foliage. The style is expressive with visible brushstrokes and a rich color palette of reds, oranges, and greens.

Поэтический
КЛАСС

*Сергей
Есенин*

Сергей Александрович Есенин

Стихотворения, поэмы

В книгу Сергея Александровича Есенина серии «Поэтический класс» вошли все стихотворения поэта, входящие ныне в Стандарт по литературе и основные авторские программы.

Вместе с другими его шедеврами, также включенными в сборник, они дадут всестороннее представление о неповторимом лирическом даре этого классика русской литературы XX века.

Содержание

К школьникам, к родителям, к учителям . . .	0005
Сергей Есенин: жизнь, творчество, судьба . . .	0006
Стихотворения	0018
Поэмы	0263
Анна Снегина	0263
Черный человек	0295

Сергей Есенин
Стихотворения, поэмы

К школьникам, к родителям, к учителям

Книги серии «Поэтический класс» основаны на тех темах и произведениях, которые изучаются в начальной школе по программам литературного чтения.

Вместе с тем в «Поэтическом классе» читателям предлагаются, по сути, небольшие антологии русской лирики на разные темы, которые станут их добрыми спутниками на долгие годы – как в школе, так и во взрослой жизни. Эти стихотворения помогут вам не только лучше подготовиться к урокам, расширить свой литературный кругозор, но и открыть безграничность красоты поэтического слова, мощи его изобразительности, силы идей, несомых им.

Подборки сопровождаются краткими сведениями о поэтах. К историческим и другим, редко употребляемым сегодня словам даны пояснения.

Сергей Есенин: жизнь, творчество, судьба

Сергей Александрович Есенин родился 21 сентября (3 октября по новому стилю) 1895 года в селе Константинове Кузьминской волости Рязанского уезда Рязанской губернии. Его родители – крестьяне Александр Никитич (1873–1931) и Татьяна Федоровна (1875–1955; урождённая Титова) Есенины.

В 1904–1909 годах Есенин учился в Константиновском земском училище. Хотя в третьем классе был оставлен на второй год, окончил его успешно, с похвальным листом. В 1909–1912 годах учился в Спас-Клепиковской церковно-учительской второклассной школе, по окончании которой получил звание «учитель школ грамоты».

Летом 1912 года Есенин уезжает из Константинова в Москву, к отцу, служившему там приказчиком в мясной лавке.

В марте 1913 года Есенин поступил на работу в типографию «Товарищества И.Д. Сытина». Работал сначала в экспедиции, потом

подчитчиком корректора. Здесь он познакомился с Анной Романовной Изрядновой (1891–1946), которая стала матерью его первого сына Юрия (родился 21 декабря 1914 г. (3 января 1915 г.)). Брак был гражданским, и Юрий был официально признан сыном Есенина лишь после его смерти, в 1926 г. Ю.А. Есенин в 1938 году пал жертвой большевистских репрессий.

В сентябре 1913 года Есенин начал заниматься в Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского.

В январе 1914 года в московском журнале для детского чтения «Мирок» под псевдонимом «Аристон» напечатано стихотворение Есенина «Береза». В следующем, февральском номере уже под его собственным именем появилось стихотворение «Пороша», в мартовском – «Село». Это первые известные выступления Есенина в печати.

9 марта 1915 года в Петрограде Есенин познакомился с Александром Блоком. По рекомендации Блока вошёл в круг петроградских поэтов и писателей. В октябре познакомился с поэтом Николаем Клюевым. Быстро приобрёл

рёл поэтическую известность и уже 12 января 1916 года по приглашению великой княгини Елизаветы Фёдоровны выступал в Марфо-Мариинской обители в Москве.

30 января 1916 года было дано цензурное разрешение на выход в свет первого сборника Есенина «Радуница». В марте призван на военную службу. В апреле, благодаря хлопотам Клюева, был причислен к Царскосельскому полевому военно-санитарному поезду № 143, который находился под патронажем императрицы Александры Фёдоровны. В поезде и царскосельском лазарете № 17 Есенин прослужил санитаром до марта 1917 года. В это время неоднократно выступает на разных вечерах, в том числе придворных.

Весной 1917 года в редакции эсеровской газеты «Дело народа» Есенин познакомился с Зинаидой Николаевной Райх (1894–1939), работавшей там техническим секретарем. 30 июля во время поездки по Северу обвенчался с нею в Кирико-Иулиттовской церкви близ Вологды.

29 мая 1918 года в Орле у З.Н. Райх родилась дочь Есенина Татьяна (умерла в 1992).

В сентябре 1918 года в Москве по инициативе и при участии Есенина создается кооперативное издательство «Московская Трудовая Артель Художников Слова». Здесь у него вышло не сколько книг.

Тогда же Есенин познакомился с А.Б. Мариенгофом, В. Г. Шершеневичем, А.Б. Кусиковым. В январе 1919 года была составлена «Декларация» имажинистов, подписанная: «Поэты: Сергей Есенин, Рюрик Ивнев, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич. Художники: Борис Эрдман, Георгий Якулов».

Имажинисты (от французского и английского *image*– образ) провозгласили «единственным законом искусства» – «выявление жизни через образ и ритмику образов». Имажинисты превозносили «образ как таковой». Это не слово-символ в его многозначности, как в символизме, не преклонение перед вещью, как в акмеизме, не «слово как таковое», отделённое от содержания, заумный язык», как в кубо-футуризме, наконец, не подчинение слова идеологии, лозунгу, как у так называемых пролетарских поэтов. Имажинисты сделали образ, одно из изобразительных

средств, – своим единственным средством и целью.

3 апреля 1919 года Есенин вместе с имажинистами выступает в Большой аудитории Политехнического музея в Москве. 28 мая вместе с другими участниками имажинистского объединения расписывал кощунственными текстами стены Страстного монастыря в Москве. В ноябре открылось кафе «Стойло Пегаса» на Тверской в Москве.

При этом в творчестве все поэты-имажинисты отступали от своих деклараций. И прежде всего это относится к Есенину, ставившего выше всего свободу творчества. Поначалу имажинизм помогал ему обозначить свою отдалённость от новой власти. В важнейшей для него статье «Ключи Марии» Есенин писал: «...противны занесенные руки марксистской опеки в идеологии сущности искусств. Она строит руками рабочих памятник Марксу, а крестьяне хотят поставить его корове». Он видит в большевистской практике суррогаты религии и церкви.

3 февраля 1920 года в Москве родился сын З.Н. Райх и Есенина Константин (умер в 1986).

19 апреля на литературном вечере в Харьковском городском театре Есенин принял участие в действе по возведению Велимира Хлебникова в «Председатели Земного Шара».

В апреле-мае 1921 года Есенин совершил поездку в Туркестан (Самара – Оренбург – Ташкент – Самарканд – Бухара). В июле-августе неоднократно в Москве выступал с чтением своей драматической поэмы «Пугачёв». 3 октября встретился с Айседорой Дункан в студии художника Г.Б. Якулова на Садовой, близ «Аквариума». 5 октября Народный суд г. Орла расторг брак Есенина с З.Н. Райх.

2 мая 1922 года состоялось бракосочетание Есенина с Айседорой Дункан. 10 мая Есенин и Айседора Дункан вылетели из Москвы в Германию и в мае – сентябре совершает поездку вместе с Айседорой Дункан по Европе: Германия – Бельгия – Франция – Италия. 24 сентября отплыл с Дункан из Франции в США на океанском пароходе «Paris», где пробыл до начала февраля 1923 года.

3 августа 1923 года Есенин возвратился в Москву из зарубежной поездки. К этому времени наметился его разрыв с Дункан. Вскоре

Есенин был в Кремле на приеме у председателя Реввоенсовета Республики Льва Троцкого, который обещал ему содействие в издательских делах. 21 августа выступает на литературном вечере в Политехническом музее в Москве с рассказом о зарубежной поездке и чтением стихов. Тогда же Есенин познакомился с Августой Леонидовной Миклашевской, долгое время ведущей актрисой Камерного театра, и увлекся ею.

20 ноября 1923 года произошёл инцидент в одной из московских пивных, послуживший основой для так называемого «дела четырех поэтов». Алексей Ганин, Есенин, Сергей Клычков и Пётр Орешин были задержаны и обвинены в антиобщественном поведении и антисемитизме. 21 ноября против них было возбуждено уголовное дело. 10 декабря в Доме печати состоялся товарищеский суд. В защиту Есенина выступили А. Эфрос, А. Соболев, Вяч. Полонский, В. Львов-Рогачевский, М. Герасимов, Р.Ивнев. 17 декабря Есенин лег в Профилакторий им. Шумской (так называемая «Больница на Полянке»), где пробыл до конца января 1924 г. В феврале с Есениным происхо-

дит несчастный случай с глубоким порезом руки: он соскочил с пролетки и руками разбил окно в полуподвале. В связи с этим помещён сначала в Шереметевскую больницу, затем переведён в Кремлевскую.

В конце мая 1924 года совершает первую после возвращения из-за рубежа поездку на родину, в Константиново. Под впечатлением этого были написаны «Возвращение на родину» и «Русь советская».

31 августа 1924 года письмом в «Правду», подписанном также И. В. Грузиновым, известил, что группа имажинистов «в доселе известном составе» объявляется распущенной.

3 сентября 1924 года Есенин выехал на Кавказ. Пребывание на Кавказе (Баку – Тифлис – Батум) с сентября 1924 по февраль 1925 года и затем в апреле и мае 1925 года стало одним из самых плодотворных периодов в жизни Есенина.

30 июня 1925 г. подписан договор с Госиздатом на выпуск «Собрания стихотворений» с гонораром по высшей ставке.

В июле 1925 года вступил в брак с Софьей Андреевной Толстой (1900–1957; официальная

регистрация брака состоялась 18 сентября). 25 июля – 6 сентября Есенин вместе с С.А. Толстой-Есениной совершил последнюю поездку на Кавказ (в Баку). По возвращении в Москву продолжил работу по подготовке «Собрания стихотворений». Осенью обостряется разлад во взаимоотношениях с С.А. Толстой-Есениной, первые признаки которого обнаружились вскоре после женитьбы.

В двадцатых числах ноября 1925 года, страдая от пьянства, Есенин соглашается лечь в психиатрическую клинику. Лечение здесь было рассчитано на два месяца, но Есенин наметил, что пробудет здесь меньший срок. Здесь же принял окончательное решение не возвращаться к жене и уехать из Москвы в Ленинград.

21 декабря Есенин покинул клинику. Заходил в Госиздат, где написал заявление с просьбой считать недействительными все ранее выданные им доверенности и гонорар выдавать впредь только ему самому. Провёл вечер в писательском клубе. Навестил А.Р. Изряднову, был у своих детей Тани и Кости, которые жили в семье режиссёра Всеволода

Мейерхольда, чьей женой стала к этому времени Зинаида Райх.

23 декабря 1925 года Есенин ночным поездом выехал из Москвы в Ленинград. Здесь встречается с литераторами и друзьями, в том числе с Николаем Клюевым, говорит о том, что приехал в Ленинград, чтобы начать новую жизнь, без пьянства. 28 декабря 1925 года найден в петле в ленинградской гостинице «Англетер», где жил в эти дни.

Официальное заключение о самоубийстве как причине смерти Есенина не раз подвергалось сомнению. Так, уже в наши дни обосновывалась версия, согласно которой Есенин пал жертвой борьбы, которую Сталин вёл против оппозиционного ему партийного руководства Ленинграда. Согласно ей, Есенин был убит приехавшими из Москвы чекистами с тем, чтобы возложить вину за его гибель на ленинградские власти с последующей их заменой. Однако чекисты ленинградские обнаружили тело поэта раньше, чем это намечалось по плану, и предугадывая последствия, инсценировали самоубийство. Так эта акция была сорвана, что, впрочем, не остано-

вило процесса нейтрализации антисталинской оппозиции.

31 декабря 1925 года Сергей Александрович Есенин был похоронен в Москве, на Ваганьковском кладбище. Перед этим погребальная процессия обнесла гроб с его телом вокруг памятника Пушкину на Тверском бульваре.

Могила Есенина сразу стала местом паломничества для многих любителей поэзии. Ночью 3 декабря 1926 года на ней застрелилась его возлюбленная – Галина Бениславская.

На долгие годы творчество и само имя Есенина в СССР оказались под полузапретом. Только в 1950-е годы началось его возвращение к читателям нашей страны. Сегодня литературное наследие Сергея Александровича Есенина естественным образом стало одной из живых частей русской классики XX века.

* * *

В сборник вошла большая часть стихотворений Сергея Есенина и поэмы «Анна Снегина», «Чёрный человек» (в том числе – все включённые в Стандарт по литературе и в основные школьные программы).

Тексты печатаются по изданию: Сергей Есенин в стихах и жизни: Стихотворения, 1910–1925 / Вступительная статья и составление Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Республика, 1995 с учётом последних исследований и текстов в Полном собрании сочинений С. А. Есенина в 7-ми томах (М., 1995–2000).

Стихотворения расположены в хронологическом порядке. При подготовке примечаний и комментариев к стихотворениям учитывались разыскания и материалы А.Козловского, С.П. Кошечкина, С.И. Субботина, Н.И. Шубниковой-Гусевой, Н.Г. Юсова, других исследователей.

С. Дмитренко

Стихотворения

*Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.*

*От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.*

*Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.*

*И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.*

1910

* * *

*Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке*

Зеленое вымя сосет

1910

* * *

*Поет зима – аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.*

*А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки извивые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.*

*Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильней.*

*И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.*

*И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.*

1910

ПОДРАЖАНИЕ ПЕСНЕ

*Ты пошла коня из горстей в пово-
ду,
Отражаясь, березы ломались в
пруду.
Я смотрел из окошка на синий
платок,
Кудри черные змейно трепал ве-
терок.
Мне хотелось в мерцании пени-
стых струй
С алых губ твоих с болью сорвать
поцелуй.
Но с лукавой улыбкой, брызнув на
меня,
Унеслася ты вскачь, удилами зве-
ня.
В пряже солнечных дней время
выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоро-
нить.
И под плач панихид, под кадилъ-
ный канон,*

*Все мне чудился тихий раскован-
ный звон*

1910

* * *

По свидетельству друга детства Есенина, Н.А. Сардановского, записанному С.А. Толстой-Есениной, это стихотворение, впервые опубликованное в московском журнале «Млечный путь» (1915. № 3), было у Есенина первым «с признаками настоящей художественности». Сам Есенин был под впечатлением этого стихотворения и читал его Сардановскому «вслух бесконечное число раз. Вскоре же он набрался смелости и поехал со своими стихами к профессору Сакулиину... Отзыв критика был, по-видимому, очень лестным для Сергея».

*Выткался на озере алый свет за-
ри.
На бору со звонами плачут глуха-
ри*

*Плачет где-то иволга, схоронясь в
дупло.
Только мне не плачется – на душе*

светло

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо
дорог,
Сядем в копны свежие под сосед-
ний стог

Зацелую допьяна, изомну, как
цвет,
Хмельному от радости пересуду
нет.

Ты сама под ласками сбросишь
шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глу-
хари.
Есть тоска веселая в аlostях за-
ри.

1910

* * *

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

1910

* * *

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы, —
Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,

Святятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

1910

КАЛИКИ

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церковей пред затворами древни-
ми
Поклонялись пречистому Спасу.

Пробирались странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иисусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы господу,
Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо

Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешли-
во:

«Девки, в пляску! Идут скоморо-
хи!»

1910

* * *

Под венком лесной ромашки
Я строгал, чинил челны,
Уронил кольцо милашки
В струи пенистой волны.

Лиходейная разлука,
Как коварная свекровь.
Унесла колечко щука,
С ним – милашкину любовь.

Не нашлось мое колечко,
Я пошел с тоски на луг,
Мне вдогон смеялась речка:
«У милашки новый друг».

Не пойду я к хороводу:
Там смеются надо мной,
Повенчаюсь в непогоду
С перезвонною волной.

1911

* * *

Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.

На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусяра.

Залюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.

1911

* * *

Хороша была Танюша, краше не
было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан

на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня
ввечеру
Месяц в облачном тумане водит
с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучеря-
вой головой:
«Ты прощай ли, моя радость, я
женюсь на другой».
Побледнела, словно саван, схоло-
дела, как роса
Душегубкою-змеею развилась ее
коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в
обиду я скажу,
Я пришла тебе сказать: за дру-
гого выхожу».
Не заутренние звоны, а венчаль-
ный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верхо-
вые прячут лик.

Не кукушки загрустили – плачет
Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого
кистенья.

Алым венчиком кровинки запек-
лись на челе —
Хороша была Танюша, краше не
было в селе

1911

* * *

Заиграй, сыграй, тальяночка, ма-
линовы меха
Выходи встречать к околице, кра-
сотка, жениха.

Васильками сердце светится, го-
рит в нем бирюза
Я играю на тальяночке про синие
глаза.

То не зори в струях озера свой вы-
ткали узор,
Твой платок, шитьем украшен-
ный, мелькнул за косогор

Заиграй, сыграй, тальяночка, ма-
линовы меха.
Пусть послушает красавица при-
баски жениха

1912

*Матушка в Купальницу по лесу хо-
дила,
Босая, с подтыками, по росе бро-
дила.*

*Травы ворожбиные ноги ей коло-
ли,
Плакала родимая в купырях от
боли.*

*Не дознамо печени судорга схва-
тила,
Охнула кормилица, тут и породи-
ла.*

*Родился я с песнями в травном
одеяле
Зори меня вешние в радугу свива-
ли.*

*Вырос я до зрелости, внук купаль-
ской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне
пророчит.*

*Только не по совести счастье на-
готове,*

Выбираю удалью и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я
таю
Да к судьбе-разлучнице след свой
заметаю

1912

* * *

Задымился вечер, дремлет кот
на брус
Кто-то помолился: «Господи Иису-
се».

Полыхают зори, курятся туман-
ны,
Над резным окошком занавес баг-
ряный.

Вьются паутины с золотой пове-
ти
Где-то мышшь скребется в затво-
ренной клетки...

У лесной поляны – в свяслах копны
хлеба,
Ели, словно копья, уперлися в небо.

*Закадили дымом под росую ро-
щи...
В сердце почивают тишина и мо-
щи
1912*

Береза

Первое по времени появившееся в печати известное нам стихотворение Есенина. Оно было опубликовано в январском номере детского журнала «Мирок» за 1914 год под псевдонимом «Аристон» (так назывался популярный в начале XX века музыкальный ящик). Издатели вскоре убедили Есенина псевдонимом не пользоваться и печататься под своей фамилией.

*Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.*

*На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.*

*И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.*

*А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.*

<1913>

Пороша

*Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.*

*Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.*

*Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А под самую макушкой
Долбит дятел на суку.*

Скачет конь, простору много,

Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

<1914>

* * *

Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.

Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздаётся
Голос по лесам.

Скрылась за рекою
Белая луна,
Звонко побежала
Резвая волна.

Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.

<1914>

Кузнец

Душно в кузнице угрюмой,
И тяжел несносный жар,
И от визга и от шума
В голове стоит угар.
К наковальне наклоняясь,
Машут руки кузнеца,
Сетью красной рассыпаясь,
Вьются искры у лица.
Взор отважный и суровый
Блещет радугой огней,
Словно взмах орла, готовый
Унести за даль морей...
Куй, кузнец, рази ударом,
Пусть с лица струится пот.
Зажигай сердца пожаром,
Прочь от горя и невзгод!
Закали свои порывы,
Преврати порывы в сталь
И лети мечтой игривой
Ты в заоблачную даль.
Там вдали, за черной тучей,
За порогом хмурых дней,
Реет солнца блеск могучий
Над равнинами полей.
Тонут пастбища и нивы
В голубом сиянье дня,
И над пашнею счастливо
Созревают зеленыя.

*Взвейся к солнцу с новой силой,
Загорись в его лучах.
Прочь от робости постылой,
Сбрось скорей постыдный страх.*

....

<1914>

С ДОБРЫМ УТРОМ!

*Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.*

*Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.*

*У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»*

<1914>

Молитва матери

*На краю деревни старая избушка,
Там перед иконой молится ста-*

рушка.

*Молитва старушки сына поминает,
Сын в краю далеком родину спасает.*

*Молится старушка, утирает слезы,
А в глазах усталых расцветают грезы.*

*Видит она поле, поле перед боем,
Где лежит убитым сын ее героем.*

*На груди широкой брызжет кровь,
что пламя,
А в руках застывших вражеское
знамя.*

*И от счастья с горем вся она застыла,
Голову седую на руки склонила.*

*И закрыли брови редкие сединки,
И из глаз, как бисер, сыплются
слезинки*

<1914>

Моей царевне

Я плакал на заре, когда померкли
дали,
Когда стелила ночь росистую по-
стель,
И с шепотом волны рыданья за-
мирали,
И где-то вдалеке им вторила сви-
рель.

Сказала мне волна: «Напрасно мы
тоскуем», —
И, сбросив свой покров, зарылась в
берега,
А бледный серп луны холодным
поцелуем
С улыбкой застудил мне слезы в
жемчуга.

И я принес тебе, царевне ясно-
окой,
Тот жемчуг слез моих печали
одинокой
И нежную вуаль из пенности вол-
ны

Но сердце хмельное любви моей
не радо...

Отдай же мне за все, чего тебе не
надо,
Отдай мне поцелуй за поцелуй лу-
ны

<1914>

Что это такое?

В этот лес завороженный,
По пушинкам серебра,
Я с винтовкой заряженной
На охоту шел вчера.
По дорожке чистой, гладкой
Я прошел, не наследил...
Кто ж катался здесь украдкой?
Кто здесь падал и ходил?
Подойду, взгляну поближе:
Хрупкий снег изломан весь.
Здесь вот когти, дальше – лыжи...
Кто-то странный бежал здесь.
Кабы твердо знал я тайну
Заколдованным речам,
Я узнал бы хоть случайно,
Кто здесь бродит по ночам.
Из-за елки бы высокой
Подсмотрел я на кругу:
Кто глубокий след далекий
Оставляет на снегу?..

<1914>

Узоры

*Девушка в светлице вышивает
ткани,
На канве в узорах копья и кресты.
Девушка рисует мертвых на поляне,
На груди у мертвых – красные цветы.*

*Нежный шелк выводит храброго
героя,
Тот герой отважный – принц ее души.
Он лежит, сраженный в жаркой схватке боя,
И в узорах крови смяты камыши.*

*Кончены рисунки. Лампа догорает
Девушка склонилась. Помутился взор.
Девушка тоскует. Девушка рыдает
За окошком полночь чертит свой узор.*

Траурные косы тучи разметали,
В пряди тонких локонов впуталась
луна.

В трепетном мерцанье, в белом
покрывале
Девушка, как призрак, плачет у
окна.

<1914>

* * *

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

По меже, на переметке —
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы кроткие монашки.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,

Чтоб скорей ее покинуть.

1914

* * *

Пойду в скуфье смиренным ино-
ком
Иль белобрысым босяком —
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.

Хочу концы земли измерить,
Доверюсь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить
В звенящей рожью борозде.

Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою укра-
сил
Бродяжной палкой и сумой.

Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,

Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога

<1914–1922>

* * *

Шел Господь пытатъ людей в любви,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом, в дуброве,
Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой,
—
Знать, от голода качается, болезный».

Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче бу-

дешь».

1914

Осень

Р. В. Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.

Осень – рыжая кобыла – чешет гриву.

*Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.*

Схимник-ветер шагом осторожным

Мнет листву по выступам дорожным

*И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.*

1914

* * *

*Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.*

*Я вижу – в просиничном платке,
На легкокрылых облаках,*

*Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.*

*Она несет для мира снова
Распятъ воскресшего Христа:
«Ходи, Мой Сын, живи без крова,
Зорюй и полднью у куста».*

*И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.*

*И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас*

1914

В хате

*Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.*

*Вьется сажка над заслонкою,
В печке нитки попелищ,
А на лавке за солонкою —*

Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

1914

* * *

По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.

Распевали про любимые
Да последние деньки:
«Ты прощай, село родимое,
Темна роща и пеньки».

*Зори пенились и таяли,
Все кричали, пяча грудь:
«До рекрутства горе маяли,
А теперь пора гульнуть».*

*Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались весело.
Девки брякали им бусами,
Зазывали за село.*

*Выходили парни brave
За гуменные плетни,
А девчоночки лукавые
Убегали, – догони!*

*Над зелеными пригорками
Развевались платки.
По полям, бредя с кошелками,
Улыбались старики.*

*По кустам, в траве над лыками,
Под пугливый возглас сов,
Им смеялась роща зыками
С переливом голосов.*

*По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли в ливенку*

Про остальние деньки.

1914

* * *

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.[1]
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,[2]
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

1914

* * *

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,
Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год
С подожочка и котомки
Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,
Веки выглодала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль

1914

* * *

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам,

Рыжий ласковый осленок.

*Пахнет вербой и смолою
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналая
Воробей псалтырь читает.*

*Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов – как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.*

*Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»*

1914

* * *

*Чую Радунцу Божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.*

*Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Исус.*

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.

Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.

Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В Богородицын покров.

1914

* * *

По дороге идут богомолки,
Под ногами полынь да комли.
Раздвигая щипульные колки,
На канавах звенят костыли.

Топчут лапти по полю кукольной,
Где-то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой колокольни
Гулкий звон, словно зык чугуна.

Отряхают старухи дулейки,

*Вяжут девки косицы до пят.
Из подворья с высокой келейки
На платки их монахи глядят.*

*На вратах монастырские знаки:
«Упокою грядущих ко мне»,
А в саду разбрехались собаки,
Словно чуя воров на гумне.*

*Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон...
По тени от ветлы-веретенца
Богомолки идут на канон*

1914

Русь

Стихотворение было напечатано в петроградском журнале «Северные записки» (1915. № 6/7) и принесло автору первую известность. Есенин читал «Русь» на концерте для раненых в присутствии императрицы Александры Федоровны и удостоился ее похвалы.

1

*Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно, на кочках и впадинах,*

Как синеют кругом небеса.

*Воят в сумерки долгие, зимние,
Волки грозные с тощих полей.
По дворам в погорающем инее
Над застрехами храп лошадей.*

*Как совиные глазки, за ветками
Смотрят в шали пурги огоньки.
И стоят за дубровными сетками,
Словно нечисть лесная, пеньки.*

*Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь – везде колдуны.
В злую заморозь в сумерки мгли-
стые
На березках висят галуны.*

2

*Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что – разгадать не могу
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.*

*Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гуд комаров
А как гаркнут ребята тальян-
кою,*

Выйдут девки плясать у костров

*Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей
Ой ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купырей.
[3]*

3

*Понакаркали черные вороны:
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все сторо-
ны,
Машет саваном пена с озер.*

*Грянул гром, чашка неба расколо-
та,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.*

*Повестили под окнами сотские[4]
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.*

*Собирались мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез,*

*Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.*

*По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ...
Вот где, Русь, твои добрые молод-
цы,
Вся опора в годину невзгод.*

4

Затомилась деревня невесточкой
—

*Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомят весточкой,*
—

Не погибли ли в жарком бою?

*В роще чудились запахи ладана,
В ветре бластились стуки костей
И пришли к ним нежданно-нега-
данно
С дальней волости груды вестей.*

*Сберегли по ним пахари памятку,
С потом вывели всем по письму
Подхватили тут родные грамот-
ку,
За ветловую сели тесьму.*

*Собралися над четницей Лушею
Допытаться любимых речей
И на корточках плакали, слушая,
На успехи родных силачей.*

5

*Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей!
Я люблю эти хижины хилые
С поджиданьем седых матерей.*

*Припаду к лапоточкам берестя-
ным,
Мир вам, грабли, коса и соха!
Я гадаю по взорам невестиным
На войне о судьбе жениха.*

*Помирился я с мыслями слабыми,
Хоть бы стать мне кустом у во-
ды.
Я хочу верить в лучшее с бабами,
Тепля свечку вечерней звезды.*

*Разгадал я их думы несметные,
Не спугнет их ни гром и ни тьма.
За сохою под песни заветные
Не причудится смерть и тюрьма.*

Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем.

А за думой разлуки с родимыми
В мягких травах, под бусами рос,
Им мерещился в далях за дымами
Над лугами веселый покос.

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу

1914

Королева

Пряный вечер. Гаснут зори.
По траве ползет туман.
У плетня на косогоре
Забелел твой сарафан.

В чарах звездного напева
Обомлели тополя.
Знаю, ждешь ты, королева,
Молодого короля.

Коромыслом серп двурогий

*Плавно по небу скользит.
Там, за рощей, по дороге
Раздается звон копыт.*

*Скачет всадник загорелый,
Крепко держит повод.
Увезет тебя он смело
В чуждедальни города.*

*Пряный вечер. Гаснут зори.
Слышен четкий храп коня.
Ах, постой на косогоре
Королевой у плетня.*

<1914–1915>

* * *

Стихотворение обращено к поэту, литератору Рюрику Ивневу (псевдоним Михаила Александровича Ковалева; 1891–1981), одному из близких друзей Есенина. Они познакомились вскоре после первого приезда Есенина в Петроград, в марте 1915 года. В воспоминаниях Ивнев рассказывает, что стихотворение «Я одену тебя побирушкой...» написано Есениным в ответ на подаренное ему Ивневым стихотворение «Я тусклый, городской, больной...».

Рюрику Ивневу

Я одену тебя побирушкой,
Подпояшу оструганным лыком
Упираясь толстою клюшкой,
Уходи ты к лесным повиликам.

У стогов из сухой боровины
Шьет русалка из листьев обнови
У ней губы краснее малины,
Брови черные круче подковы.

Ты скажи ей: «Я странник уста-
лый,
Равнодушный к житейским поте-
рям».
Скинь-покинь свой армяк полиня-
лый,
Проходи с нею к зарослям в те-
рем.

Соберутся русалки с цветами,
Заведут под гармони гулянку
И тебя по заре с петухами
Поведут провожать на полянку.

Побредешь ты, воспрянувший ду-
хом,
Будешь зыкать прибаски[5] на

цевне[6]

*И навстречу горбатым старухам
Скинешь шапку с поклоном дерев-
не.*

29 марта 1915 г.

Плясунья

*Ты играй, гармонь, под трензель,
Отсыпай, плясунья, дробь!
На платке краснеет вензель,
Знай прищелкивай, не робь!*

*Парень бравый, синеглазый
Загляделся не на смех.
Веселы твои проказы,
Зарукавник – словно снег.*

*Улыбаются старушки,
Приседают старики.
Смотрят с завистью подружки
На шелковы косники.*

*Веселись, пляши угарней,
Развевай кайму фаты.
Завтра вечером от парней
Придут свахи и сваты*

<1915>

Корова

*Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.*

*Сердце неласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.*

*Не дали матери сына,
Первая радость не прок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.*

*Скоро на гречневом сее
С той же сыновней судьбой,
Свяжут ей петлю на шее
И поведут на убой.*

*Жалобно, грустно и тоще
В землю вопьются рога...
Снится ей белая роца
И травяные луга.*

1915

Песнь о собаке

С.А. Толстая-Есенина рассказывает: «Случай подобно тому, какой описан в этом стихотворении, произошел однажды в молодые годы Есенина, в его селе Константинове. Собака соседа Есениных оценилась, и хозяин убил всех щенят. Есенин сам рассказывал об этом, и мать его, Татьяна Федоровна, помнит этот случай и то, как под впечатлением от него Есенин написал стихи».

А.М. Горький, прочитав «Песнь о собаке», сказал, что Есенин «первый в русской литературе так умело и с такой искренней любовью пишет о животных».

*Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.*

*До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.*

*А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,*

Семерых всех поклат в мешок.

*По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.*

*А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.*

*В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.*

*И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.*

1915

* * *

*Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.*

Чистит месяц в соломенной крыше
Обойминные синью рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.

Знаю, годы тревогу заглушат
Эта боль, как и годы, пройдет.
И уста, и невинную душу
Для другого она бережет.

Не силен тот, кто радости просит,
Только гордые в силе живут.
А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырью хомут.

Не с тоски я судьбы поджидаю,
Будет злобно крутить порошá
И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.

Снимет шубу и шали развяжет,
Примостится со мной у огня
И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня

<1916>

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам.
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернусь я в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам...

*И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора
<1916>*

* * *

*Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.*

*Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.*

*О Русь – малиновое поле
И синь – упавшая в реку, —
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.*

*Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.*

*И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи*

Молитвословным ковылем.

<1916>

* * *

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненок кудрявый – месяц
Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога, —
И кажется с тропы далекой —
Вода качает берега.

А степь под пологом зеленым
Кадит черемуховый дым
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.

О сторона ковыльной пущи,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажется темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта
<1916>

* * *

Не бродить, не мять в кустах
багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завя-
ли,
Имя тонкое растаяло, как звук.
Но остался в складках смятой
шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу

Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий
вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж, кто выдумал твой гибкий
стан и плечи —
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах
багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Относилась ты мне навсегда

<1916>

* * *

О красном вечере задумалась до-
рога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко
Крадется мглой к овсяному дво-
ру;
Сквозь синь стекла желтоволо-
сый отрок

Лучит глаза на галочью игру.

*Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зеленая из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгнувшем в
ночи.*

*Кому-то пятками уже не мять
по рощам
Щербленный лист и золото травы.
Тягучий вздох, ныряя звоном то-
щим,
Целует клюв нахохленной совы.*

*Все гуще хмарь, в хлеву покой и
дрема,
Дорога белая узорит скользкий
ров...
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.*

<1916>

* * *

*О край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебную под сводом
Надломлена твоя луна.*

За перепаханною нивой
Малиновая лебеда.
На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда.

Опять дорогой верстовою,
Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.

Клубит и пляшет дым болот-
ный...
Но и в кошме певучей тьмы
Неизреченностью животной
Напоены твои холмы.

<1916–1917>

* * *

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной ку-
щей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчит-
ся,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И изгибо взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

1917

* * *

Свищет ветер под крутым забо-
ром,
Прячется в траву.
Знаю я, что пьяницей и вором
Век свой доживу.
Тонет день за красными холма-
ми,
Кличет на межу.
Не один я в этом свете шляюсь,
Не один брожу.

Размахнулось поле русских пашен,
То трава, то снег.
Все равно, литвин я иль чувашин,
Крест мой, как у всех.
Верю я, как ликам чудотворным,
В мой потайный час.
Он придет бродягой подзабор-
ным,
Нерушимый Спас.
Но, быть может, в синих клочьях
дыма
Тайноводных рек
Я пройду его с улыбкой пьяной ми-
мо,
Не узнав навек.
Не блеснет слеза в моих ресницах,
Не вспугнет мечту.
Только радость синей голубицей
Канет в темноту.
И опять, как раньше, с дикой зло-
стью
Запоет тоска...
Пусть хоть ветер на моем пого-
сте
Пляшет трепака.

<1917>

О родина!

*О родина, о новый
С золотою крышей кров,
Труби, мычи коровой,
Ревя телком громов.*

*Брожу по синим селам,
Такая благодать,
Отчаянный, веселый,
Но весь в тебя я, мать.*

*В училище разгула
Крепил я плоть и ум.
С березового гула
Растет твой вешний шум.*

*Люблю твои пороки,
И пьянство, и разбой,
И утром на востоке
Терять себя звездой.*

*И всю тебя, как знаю,
Хочу измять и взять,
И горько проклиная
За то, что ты мне мать.*

<1917>

* * *

Где ты, где ты, отчий дом,

Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?

За рекой поет петух.
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.

Время – мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время – мельница с крылом.

Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок.
Этот дождик с сонмом стрел.

1917

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы

Солнце тихое скатилось.

*Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.*

*Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.*

1917

* * *

*Серебристая дорога,
Ты зовешь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда.*

*Грусть ты или радость теплишь?
Иль к безумью правишь бег?
Помоги мне сердцем вешним
Долюбить твой жесткий снег.*

*Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы на узду.
Может быть, к вратам Господ-
ним*

Сам себя я приведу.

1917

* * *

Л. И. Кашиной

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил – печальный
Твой предосенний шум.

И мне в ответ березка:
«О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.

Луна стелила тени,
Сияли зеленыя.
За голые колени

Он обнимал меня.

*И так, вдохнувши глубоко,
Сказал под звон ветвей:
«Прощай, моя голубка,
До новых журавлей».*

15 августа 1918

Лидия Ивановна Кашина (1886–1937) – владелица поместья в селе Константинове. Е. А. Есенина вспоминает: «Каждое лето Кашина с детьми приезжала в Константиново... Молодая красивая барыня развлекалась чем только можно. В усадьбе появились чудные лошади и хмурый уродливый наездник... Каждый день после полдневной жары барыня выезжала на своей породистой лошади кататься в поле. Рядом с ней ехал наездник». Рассказывая далее о пребывании Есенина в Константинове весной и летом 1917 г., Е. А. Есенина пишет: «Тимоша Данилин, друг Сергея, занимался с ее детьми. Однажды он пригласил с собой Сергея. С тех пор они стали часто бывать по вечерам в ее доме. Матери нашей очень не нравилось, что Сергей повадился ходить к барыне... Сергей молчал и каждый ве-

чер ходил в барский дом... Мать больше не пробовала говорить о Кашиной с Сергеем. И когда маленькие дети Кашиной, мальчик и девочка, приносили Сергею букеты из роз, только качала головой. В память об этой весне Сергей написал стихотворение Л. И. Кашиной „Зеленая прическа...“ (Восп., 1, 44–46). Е. А. Есенина справедливо отмечает – «в память об этой весне», поскольку летом 1918 г., когда Есенин, будучи в Константинове, написал это стихотворение, Кашиной там не было. Как свидетельствовал ее сын, Г. Н. Кашин, летом 1918 г. Л. И. Кашина была больна и в Константиново не приезжала.

* * *

*Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.*

*Здравствуй, золотое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.*

Где-то за садом, несмело,

Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синюю рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

1918

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,

Оттого что тот старый клен
Головой на меня похож

1918

* * *

Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак, как стадо овец,
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость —

Все любя, ничего не желать?

1918

Хулиган

Дождик мокрыми метлами чи-
стит

Ивняковый помет по лугам.

Плюйся, ветер, охапками ли-
сьев, —

Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжелой походкой воли,
Животами, листвой хрипящими,
По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки лижут
Следы человеческих ног.

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез!

Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченых черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветер,
Плюй спокойно листвой по лугам.
Не сотрет меня кличка «поэт»,
Я и в песнях, как ты, хулиган

1919

* * *

Мариенгофу

Я последний поэт деревни,
Скромнен в песнях дощатый мост

*За прощальной стою обедней
Кадящих листвою берез.*

*Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.*

*На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость,
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.*

*Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.*

*Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!*

<1920>

Анатолий Борисович Мариенгоф
(1897–1962) – поэт, один из основателей и теоретиков группы имажинистов. Познакомился с Есениным в конце лета 1918 г. Поначалу

между ними установились близкие дружеские отношения. В 1919–1921 гг. они часто выступали вместе на различных вечерах, организовали книжную лавку на Никитской улице, одно время даже жили вместе в Богословском переулке. В этот период Есенин посвятил А. Б. Мариенгофу это стихотворение и ряд других произведений. Их отношения обострились после возвращения Есенина из зарубежной поездки и завершились резким разрывом, когда Есенин заявил о своем выходе из группы имажинистов и ее роспуске.

Сорокоуст[7]

А. Мариенгофу

1

*Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть те-
перь нам
На измызганных ляжках дорог?*

*Вы, любители песенных блох,
Не хотите ль пососать у мерина?*

*Полно кротостью мордищ празд-
ниться,
Любо ль, не любо ль – знай бери.*

Хорошо, когда сумерки дразнятся
И всыпают вам в толстые задни-
цы
Окровавленный веник зари.

Скоро заморозь известью выбе-
лит
Тот поселок и эти луга
Никуда вам не скрыться от гибе-
ли,
Никуда не уйти от врага
Вот он, вот он с железным брю-
хом,
Тянет к глоткам равнин пятер-
ню,

Водит старая мельница ухом,
Навострив мукомольный нюх
И дворовый молчальник бык,
Что весь мозг свой на телок про-
лил,
Вытирая о прясло язык,
Почуял беду над полем

2

Ах, не с того ли за селом
Так плачет жалостно гармони-
ка:

Таля-ля-ля, тили-ли-гом
Висит над белым подоконником.
И желтый ветер осенницы
Не потому ль, синь рябью тронув,
Как будто бы с коней скребницей,
Очесывает листья с кленов.
Идет, идет он, страшный вест-
ник,
Пятой громоздкой чащи ломит.
И все сильнее тоскуют песни
Под лягушиный писк в соломе.

О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб древенчатый живот
Трясет стальная лихорадка!

3

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных го-
нок,

*Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?*

*Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?*

*Неужель он не знает, что живых
коней*

Победила стальная конница?

*Неужель он не знает, что в полях
бессиянных*

*Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных рос-
сиянок*

Отдавал за коня печенег?

*По-иному судьба на торгах пере-
красила*

*Наш разбуженный скрежетом
плёс,*

*И за тыщи пудов конской кожи и
мяса*

Покупают теперь паровоз.

4

*Черт бы взял тебя, скверный
гость!*

*Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не при-*

шлось
Утопить, как ведро в колодце.
Хорошо им стоять и смотреть,
Красить рты в жестяных поцелу-
ях, —
Только мне, как псаломщику,
петь
Над родимой страной аллилуйя.
Оттого-то в сентябрьскую ск-
лень
На сухой и холодный суглинок,
Головой разmozжась о плетень,
Облилась кровью ягод рябина.
Оттого-то выросла тужиль
В переборы тальянки звонкой.
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.

Август 1920

Исповедь хулигана

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечесаным,

С головой, как керосиновая лампа,
на плечах.

Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать.

Мне нравится, когда каменья брани

Летят в меня, как град рыгающей
грозы,

Я только крепче жму тогда руками

Моих волос качнувшийся пузырь.

Так хорошо тогда мне вспоминать

Заросший пруд и хриплый звон
ольхи,

Что где-то у меня живут отец и
мать,

Которым наплевать на все мои
стихи,

Которым дорог я, как поле и как
плоть,

Как дождик, что весной взрыхляет
зеленя.

Они бы вилами пришли вас заколоть

За каждый крик ваш, брошенный в

меня.

Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь Бога и болотных
недр.

О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!
Вы ль за жизнь его сердцем не ин-
девели,
Когда босые ноги он в лужах осен-
них макал?

А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.

Но живет в нем задор прежней
вправки

Деревенского озорника.
Каждой корове с вывески мясной
лавки

Он кланяется издалека.

И, встречаясь с извозчиками на
площади,

Вспоминая запах навоза с родных
полей,

Он готов нести хвост каждой ло-
шади,

Как венчального платья шлейф.

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!

Хоть есть в ней грусти ивовая
ржавь.
Приятны мне свиней испачканные
морды
И в тишине ночной звенящий го-
лос жаб.
Я нежно болен вспоминаньем
детства,
Апрельских вечеров мне снится
хмарь и сырь.
Как будто бы на корточки по-
греться
Присел наш клен перед костром
зари.
О, сколько я на нем яиц из гнезд
вороньих,
Карабкаясь по сучьям, воровал!
Все тот же ль он теперь, с вер-
хушкой зеленой?
По-прежнему ль крепка его кора?

А ты, любимый,
Верный пегий пес?!

От старости ты стал визглив и
слеп

И бродишь по двору, влача обвис-
ший хвост,

Забыв чутьем, где двери и где
хлев.

О, как мне дороги все те проказы,
Когда, у матери стянув краюху
хлеба,

Кусали мы с тобой ее по разу,
Ни капельки друг другом не погре-
бав.

Я все такой же.

Сердцем я все такой же.

Как васильки во ржи, цветут в ли-
це глаза.

Стеля стихов злаченные рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.

Спокойной ночи!

Всем вам спокойной ночи!

Отзвенела по траве сумерек зари
коса...

Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну обоссать.

Синий свет, свет такой синий!

В эту синь даже умереть не

жаль.

Ну так что ж, что кажусь я циником,

Прицепившим к заднице фонарь!
Старый, добрый, заезженный Пегас,

Мне ль нужна твоя мягкая рысь?

Я пришел, как суровый мастер,
Воспеть и прославить крыс.

Башка моя, словно август,
Льется бурливых волос вином.

Я хочу быть желтым парусом
В ту страну, куда мы плывем.

Ноябрь 1920

* * *

Мир таинственный, мир мой
древний,

Ты, как ветер, затих и присел.

Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.

Здравствуй ты, моя черная гибель,

Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город, ты в схватке жестокой

Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской
выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же! Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колко,
Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных
недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого
недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу.

Как и ты – я, отовсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты – я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный
прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зарююсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропеют мне на том берегу.

1921

* * *

Сторона ль ты моя, сторона!
Дождевое, осеннее олово.
В черной луже продрогший фонарь
Отражает безгубую голову.

Нет, уж лучше мне не смотреть,
Чтобы вдруг не увидеть хужего.
Я на всю эту ржавую мреть
Буду щурить глаза и суживать.

Так немного теплей и безбольней

*Посмотри: меж скелетов домов,
Словно мельник, несет колоколь-
ня*

Медные мешки колоколов.

*Если голоден ты – будешь сытым
Коль несчастен – то весел и рад.
Только лишь не гляди открыто,
Мой земной неизвестный брат.*

*Как подумал я – так и сделал,
Но увы! Все одно и то ж!
Видно, слишком привыкло тело
Ощущать эту стужу и дрожь.*

*Ну, да что же! Ведь много прочих,
Не один я в миру живой!
А фонарь то мигнет, то захохо-
чет
Беззубой своей головой.*

*Только сердце под ветхой одеж-
дой
Шепчет мне, посетившему
твердь:
«Друг мой, друг мой, прозревшие
вежды
Закрывает одна лишь смерть».*

С. А. Толстая-Есенина вспоминает: «Есенин рассказывал... что это стихотворение было написано под влиянием одного из лирических отступлений в „Мертвых душах“ Гоголя. Иногда полушутя добавлял: „Вот меня хвалят за эти стихи, а не знают, что это не я, а Гоголь“. Несомненно, что место в „Мертвых душах“, о котором говорил Есенин, это начало шестой главы, которое заканчивается словами: „...что пробудило бы в прежние годы живое движенье в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О, моя юность! О, моя свежесть!“.

*Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь
дым
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.*

*Ты теперь не так уж будешь
биться,
Сердце, тронутое холодком,*

*И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.*

*Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.*

*Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась
мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

*Все мы, все мы в этом мире тлен-
ны,
Тихо льется с кленов листьев
медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и уме-
реть.*

1921

* * *

*Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.*

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипячковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая словесная груда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,

Это к завтраму все заживет!»

Февраль 1922

* * *

*Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мгл-
стом.*

*Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?*

*Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по
темницам.*

*Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.*

*Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.*

*Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя ле-
чит.*

Я хожу в цилиндре не для женщин

—
В глупой страсти сердце жить не
в силе, —
В нем удобней, грусть свою умень-
шив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший гал-
стук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омутъ в сердце
мглистом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандали-
стом.

1922

* * *

Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулится,

Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне Бог.

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жут-
ком,
Но всю ночь напролёт, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
– Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах

Умереть, знать, судил мне Бог.

1922

* * *

Снова пьют здесь, дерутся и плачут

Под гармоники желтую грусть.

Проклинают свои неудачи,

Вспоминают московскую Русь.

Я и сам, опустясь головою,

Заливаю глаза вином,

Чтоб не видеть в лицо роковое,

Чтоб подумать хоть миг об

ином.

Что-то всеми навек утрачено

Май мой синий! Июнь голубой!

Не с того ль так чадит мертвя-

чиной

Над пропащею этой гульбой.

Ах, сегодня так весело россам,

Самогонного спирта – река.

Гармонист с провалившимся но-

сом

Им про Волгу поет и про Чека.

Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.

Жалко им, что октябрь суровый
Обманул их в своей пурге.
И уж удалью точится новой
Крепко спрятанный нож в сапоге.

Где ж вы те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис ле-
чит,
Что в киргизских степях получил.

Нет! таких не подмять, не рассе-
ять
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты, Рассея моя... Рас... сея...
Азиатская сторона!

<1922>

* * *

Сыпь, гармоника. Скука... Скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали —
Невтерпеж.
Что ж ты смотришь так синими
брызгами?
Иль в морду хошь?

В огород бы тебя на чучело,
Пугать ворон.
До печенок меня замучила
Со всех сторон.

Сыпь, гармоника. Сыпь, моя
частая.
Пей, выдра, пей.
Мне бы лучше вон ту, сисястую,
—
Она глупей.

Я средь женщин тебя не первую...
Немало вас,
Но с такой вот, как ты, со стер-
вою,
Лишь в первый раз.

Чем больше, тем звонче.
То здесь, то там.
Я с собой не покончу,
Иди к чертям.

*К вашей своре собачьей
Пора простыть.
Дорогая, я плачу,
Прости... прости...*

<1923>

* * *

*Пой же, пой. На проклятой гита-
ре
Пальцы пляшут твои в полукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный
друг.*

*Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастье,
А нечаянно гибель нашел.*

*Я не знал, что любовь – зараза,
Я не знал, что любовь – чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.*

*Пой, мой друг. Навей мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другого,
Молодая красивая дрянь.*

Ах, постой. Я ее не ругаю
Ах, постой. Я ее не кляню,
Дай тебе про себя я сыграв
Под басовую эту струну.

Льется дней моих розовый купол
В сердце снов золотых сума.
Много девушек я перещупал,
Много женщин в углах прижмал.

Да! есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.

Так чего ж мне ее ревновать
Так чего ж мне болеть такому.
Наша жизнь – простыня да кровать
Наша жизнь – поцелуй да в омут.

Пой же, пой! В роковом размахе
Этих рук роковая беда.
Только знаешь, пошли их на хер...
Не умру я, мой друг, никогда.

<1923>

Грубым дается радость.
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.

Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак.
Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?
Иль я не сын страны?
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна.
В сердце тоска и зной.
Катится, в солнце измокнув,
Улица передо мной.

А на улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.
Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,

Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.

Я уж готов. Я робкий.
Глянь на бутылок рать!
Я собираю пробки —
Душу мою затыкать.

1923

* * *

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.

Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах

Птичий гомон и щебетню.

*Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная
морщь,
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.*

*Голос громкий и всхлипень зыч-
ный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюды кирпич-
ный,
В завывании дождевом?*

*Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.*

*Ах, и я эти страны знаю —
Сам немалый прошел там путь.
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь повер-
нуть.*

*Но угасла та нежная дрема,
Все истлело в дыму голубом.*

Мир тебе – полевая солома,
Мир тебе – деревянный дом!

1923

* * *

Я усталым таким еще не был.
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну,
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину.

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервые!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья червь?

Не больна мне ничья измена,
И не радуется легкость побед, —
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

Превращаются в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие годы,

—
Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно,
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжело
Ковылять из притона в притон,
Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же законам,
Умиряется бешеный пыл.
Но и все ж отношусь я с покло-
ном
К тем полям, что когда-то лю-
бил.

В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве, —
Шлю привет воробьям, и воро-
нам,
И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь

*Передайте, что я отскандалил, —
Пусть хоть ветер теперь начина-
ет
Под микитки дубасить рожь»*
<1923>

* * *

*Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот – и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.*

*Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил
Горько мне, что не верю теперь.*

*Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.*

*Дар поэта – ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.*

Пусть не сладились, пусть не сбы-

лись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились
—
Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие муты,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со
мною, —

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубаш-
ке
Под иконами умирать.

1923

* * *

Этим стихотворением открывался цикл «Любовь хулигана», в который входило также шесть следующих стихотворений. Цикл обращен к актрисе московского Камерного театра Августе Леонидовне Миклашевской (1891–1977), с которой поэт познакомился вскоре после своего возвращения из зарубеж-

ной поездки в августе 1923 г.

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь сканда-
лить.*

*Был я весь – как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без огляд-
ки.*

*Мне бы только смотреть на те-
бя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.*

*Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упор-
ным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.*

*Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки*

И волос твоих цветом в осень.

*Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь сканда-
лить.*

1923

* * *

*Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.*

*По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.*

*Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.*

*Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,*

Словно августовская прохлада?

*Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.*

*Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.*

*Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России*

1923

* * *

*Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.*

*О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться двойне
Воображению поэта.*

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными – кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то
ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,

Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

1923

* * *

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,

Ищут тех, которых помнят.

*Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,*

*Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.*

*Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.*

9 октября 1923

* * *

*Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой оста-
лась.*

*Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит*

С души, немного омертвелой.

*Ну что ж! Я не боюсь его
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сырость.*

*Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.*

*Смешная жизнь, смешной разлад
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.*

*Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.*

1923

* * *

*Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет.
Одержимый тяжелой падучей,*

Я душой стал, как желтый скелет.

*Было время, когда из предместья
Я мечтал по-мальчишески – в
дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.*

*Да! Богат я, богат с излишком
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых штиб-
лет.*

*И известность моя не хуже, —
От Москвы по парижскую рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная, громкая брань.*

*И любовь, не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы как жесть.
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвести.*

*Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть – не беда!
Золотей твоих кос по курганам*

Молодая шумит лебеда.

*Я хотел бы опять в ту мест-
ность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в неизвест-
ность
И мечтать по-мальчишески – в
дым.*

*Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном земле и траве,
Что не выразить сердцу словом
И не знает назвать человек.*

1923

* * *

*Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?*

*Не храни, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.*

Может, завтра совсем по-друго-

му
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

1923

* * *

Годы молодые с забубенной сла-
вой,
Отравил я сам вас горькою отра-
вой.

Я не знаю: мой конец близок ли,

далек ли,
Были синие глаза, да теперь по-
блекли.

Где ты, радость? Темь и жуть,
грустно и обидно.
В поле, что ли? В кабаке? Ничего
не видно.

Руки вытяну – и вот слушаю на
ощупь:
Едем... кони... сани... снег... проез-
жаем рошу.

«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай, рож-
ден не слабым!
Душу вытрясти не жаль по та-
ким ухабам».

А ямщик в ответ одно: «По такой
метели
Очень страшно, чтоб в пути ло-
шади вспотели».

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не
с руки нам!»
Взял я кнут и ну стегать по ло-
шажьим спинам.

Бью, а кони, как метель, снег раз-
носят в хлопья
Вдруг толчок... и из саней прямо
на сугроб я.

Встал и вижу: что за черт – вме-
сто бойкой тройки...
Забинтованный лежу на больнич-
ной койке.

И вместо лошадей по дороге
тряской
Бью я жесткую кровать мокрую
повязкой.

На лице часов в усы закрутились
стрелки
Наклонились надо мной сонные
сиделки.

Наклонились и хрипят: «Эх ты,
златоглавый,
Отравил ты сам себя горькою
отравой.

Мы не знаем, твой конец близок
ли, далек ли, —
Синие твои глаза в кабаках про-

мокли».

1924

Письмо матери

*Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей из-
бушкой
Тот вечерний несказанный свет.*

*Пишут мне, что ты, тая трево-
гу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.*

*И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой
драке
Саданул под сердце финский нож.*

*Ничего, родная! Успокойся
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.*

Я по-прежнему такой же нежный

*И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.*

*Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.*

*Не буди того, что от мечталось,
Не волнуй того, что не сбылось,
—*

*Слишком раннюю утрату и уста-
лость
Испытать мне в жизни приве-
лось.*

*И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.*

*Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.*

<1924>

Стихотворение связано со безвременной смертью близкого друга Есенина поэта Александра Васильевича Ширяевца (псевдоним Абрамова; 1887–1924), скончавшегося при неясных обстоятельствах. Есенин часто приходил на его могилу на Ваганьковском кладбище.

*Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.*

*Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.*

*Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду.*

*Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,*

*И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и
жил.*

*Счастлив тем, что целовал я
женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших мень-
ших,
Никогда не бил по голове.*

*Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.*

*Знаю я, что в той стране не бу-
дет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.*

1924

Пушкину

Стихотворение написано в связи со 125-летием со дня рождения Пушкина. В день празднования, 6 июня 1924 года, Есенин читал стихотворение во время торжественной церемо-

нии у памятника Пушкину на Тверском бульваре в Москве.

*Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.*

*Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.*

*Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.*

*А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.*

*Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть*

26 мая 1924

Русь советская[8]

А. Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.

На переключке дружбы многих нет.

Я вновь вернулся в край осиротелый,

В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне поделиться

Той грустной радостью, что я остался жив?

Здесь даже мельница – бревенчатая птица

С крылом единственным – стоит, глаза смежив.

Я никому здесь не знаком,

А те, что помнили, давно забыли.

И там, где был когда-то отчий дом,

Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.

Вокруг меня снуют

*И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.*

*И в голове моей проходят роем
думы:
Что родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.*

*И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пишта.*

*Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.*

Уже ты стал немного отцве-
тать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней

Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина! Какой я стал смеш-
ной.
На щеки впалые летит сухой ру-
мянец.
Язык сограждан стал мне как чу-
жой,
В своей стране я словно иностран-
ец.

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, [9] как в церковь, собра-
лись.
Корявыми, немытыми речами
Они свою обсуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля.
И ноги босые, как телки под воро-
та,
Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом
сонным,
В воспоминаниях морщина лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Пере-
коп.

«Уж мы его – и этак и разэтак, —
Буржуя этого... которого... в
Крыму...»
И клены морщатся ушами длин-
ных веток,
И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсо-
мол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом
дружен?
Моя поэзия здесь больше не нуж-
на,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь
не нужен.

Ну что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе – и тем уж я
доволен.
Пускай меня сегодня не поют —
Я пел тогда, когда был край мой
болен.

Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверя-
ла звуки
И песни нежные лишь только пе-
ла мне.

Цветите, юные! И здоровейте те-
лом!
У вас иная жизнь, у вас другой на-
пев.
А я пойду один к неведомым пре-
делам,
Душой бунтующей навеки присми-

рев.

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

1924

* * *

Низкий дом с голубыми ставня-
ми,
Не забыть мне тебя никогда, —
Слишком были такими недавни-
ми
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею

Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь,
Да ракитник, кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

<1924>

Сукин сын

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.

Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом
в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И как друга введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в бе-
лом,
Но теперь я люблю в голубом.

31 июля 1924

* * *

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в ми-
ре странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит
дом.
О всех ушедших грезит конопля-

ник

*С широким месяцем над голубым
прудом.*

*Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в
даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не
жаль.*

*Не жаль мне лет, растроченных
напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины крас-
ной,
Но никого не может он согреть.*

*Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет тра-
ва,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.*

*И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный
ком...
Скажите так... что роца золо-*

тая
Отговорила милым языком.

1924

На Кавказе

Издревле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.

Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
«Не мой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

И Лермонтов, тоску леча,
Нам рассказал про Азамата,
Как он за лошадь Казбича
Давал сестру заместо злата.

За грусть и желчь в своем лице
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.

И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской хмари,
В подножии большой горы

Он спит под плач зурны и тари.

А нынче я в твою безгладь
Пришел, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрыдать
Иль подсмотреть свой час кончи-
ны!

Мне все равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих.
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.

Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон ша-
гов
Да видеть с гор глухие дали.

И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой,
Зане созрел во мне поэт
С большой эпической темой.

Мне мил стихов российский жар
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-майор,
Поет о пробках в Моссельпроме.

И Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи, как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочел —
И в клетке сдохла канарейка.

Других уж нечего считать,
Они под хладным солнцем зреют,
Бумаги даже замарать
И то, как надо, не умеют.

Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,
Ты научи мой русский стих
Кизиловым струиться соком.

Чтоб, воротясь опять в Москву,
Я мог прекраснейшей поэмой
Забить ненужную тоску
И не дружить вовек с богемой.

И чтоб одно в моей стране
Я мог твердить в свой час про-
щальный:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

Сентябрь 1924
Тифлис

Письмо к женщине

*Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.*

*Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.*

*Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.*

Не знали вы,

Что я в сплошном дыму,
В разворочённом бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму

Куда несёт нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье.

Земля – корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе больш-
шой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,

Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрчивал в скандалах.

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В разворочённом бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несёт нас рок событий...

...
Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:

Хвала и слава рулевому!

*Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную уста-
лость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною случилось!*

*Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.*

*Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша.*

*Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живете вы*

*С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.*

*Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.*

1924

Поэтам Грузии

*Писали раньше
Ямбом и октавой.
Классическая форма
Умерла,
Но ныне, в век наш
Величавый,
Я вновь ей вздернул
Удила.*

*Земля далекая!
Чужая сторона!
Грузинские кремнистые дороги.
Вино янтарное*

В глаза струит луна,
В глаза глубокие,
Как голубые роги.

Поэты Грузии!
Я ныне вспомнил вас.

Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!

Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

Я – северный ваш друг
И брат!
Поэты – все единой крови.
И сам я тоже азиат
В поступках, в помыслах
И слове.

И потому в чужой
Стране
Вы близки

И приятны мне.

*Века всё смелют,
Дни пройдут,
Людская речь
В один язык сольется.
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнется.*

*Он скажет:
В пропасти времен
Есть изысканья и приметы...
Дрались сонмища племен,
Зато не ссорились поэты.*

*Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак.*

*Самодержавный
Русский гнет
Сжимал все лучшее за горло,
Его мы кончили —
И вот
Свобода крылья распростерла.*

И каждый в племени своем

Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк
По-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечьим...

Свершился дивный
Рок судьбы:
Уже мы больше
Не рабы.

Поэты Грузии,
Я ныне вспомнил вас,
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!..

Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

1924

Письмо от матери

Чего же мне
Еще теперь придумать,

О чем теперь
Еще мне написать?
Передо мной
На столике угрюмом
Лежит письмо,
Что мне прислала мать.

Она мне пишет:
«Если можешь ты,
То приезжай, голубчик,
К нам на Святки.
Купи мне шаль,
Отцу купи порты,
У нас в доме
Большие недостатки.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохую.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.

Стара я стала
И совсем плоха,
Но если б дома
Был ты изначально,

То у меня
Была б теперь сноха
И на ноге
Внучонка я качала.

Но ты детей
По свету растерял,
Свою жену
Легко отдал другому,
И без семьи, без дружбы,
Без причал
Ты с головой
Ушел в кабацкий омут.

Любимый сын мой,
Что с тобой?
Ты был так кроток,
Был ты так смиренен.
И говорили все наперебой:
Какой счастливый
Александр Есенин!

В тебе надежды наши
Не сбылись,
И на душе
С того больней и горше,
Что у отца
Была напрасной мысль,

Чтоб за стихи
Ты денег брал побольше.

Хоть сколько б ты
Ни брал,
Ты не пошлешь их в дом,
И потому так горько
Речи льются,
Что знаю я
На опыте твоём:
Поэтам деньги не даются.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохую.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.

Теперь сплошная грусть,
Живем мы, как во тьме.
У нас нет лошади.
Но если б был ты в доме,
То было б все,
И при твоём уме —
Пост председателя
В волисполкоме.

Тогда б жилось смелей,
Никто б нас не тянул,
И ты б не знал
Ненужную усталость.
Я б заставляла
Прясть
Твою жену,
А ты, как сын,
Покоил нашу старость».

..
Я комкаю письмо,
Я погружаюсь в жуть.
Ужель нет выхода
В моем пути заветном?
Но все, что думаю,
Я после расскажу.
Я расскажу
В письме ответном...

<1924>

Ответ

Старушка милая,
Живи, как ты живешь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь —
Чем я живу

И чем я в мире занят.

*Теперь у вас зима.
И лунными ночами,
Я знаю, ты
Помыслишь не одна,
Как будто кто
Черемуху качает
И осыпает
Снегом у окна.*

*Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И – что тебя хоронят.*

*Как будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга!
И снег ложится
Вроде пяточков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!*

Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,
Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком.

Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Ее одну
Я жду и призываю!

Но эта пакость —
Хладная планета!
Ее и в триста солнц
Пока не растопить!
Вот потому
С больной душой поэта
Пошел скандалить я,
Озорничать и пить.

Но время будет,

Милая, родная!
Она придет, желанная пора!
Недаром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот – у пера.

Забудь про деньги ты,
Забудь про все.
Какая гибель?!
Ты ли это, ты ли?
Ведь не корова я,
Не лошадь, не осел,
Чтобы меня
Из стойла выводили!

Я выйду сам,
Когда настанет срок,
Когда пальнуть
Придется по планете,
И, воротясь,
Тебе куплю платок,
Ну, а отцу
Куплю я штуки эти.

Пока ж – идет метель,
И тысячей дьячков
Поет она плакидой —

Сволоочь-вьюга.
И снег ложится
Вроде пятачков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга.

<1924>

Письмо деду

Покинул я
Родимое жилище.
Голубчик! Дедушка!
Я вновь к тебе пишу...
У вас под окнами
Теперь метели свищут,
И в дымовой трубе
Протяжный вой и шум.

Как будто сто чертей
Залезло на чердак.
А ты всю ночь не спишь
И дрыгаешь ногою.
И хочется тебе
Накинуть свой пиджак,
Пойти туда,
Избить всех кочергою.

Наивность милая
Нетронутой души!

Недаром прадед
За овса три меры
Тебя к дьячку водил
В заброшенной глуши
Учить: «Достойно есть»
И с «Отче» «Символ веры».

Хорошего коня пасут.
Отборный корм
Ему любви порука.
И, самого себя
Призвав на суд,
Тому же самому
Ты обучать стал внука.

Но внук учебы этой
Не постиг.
И, к горечи твоей,
Ушел в страну чужую.
По-твоему, теперь
Бродягою брожу я,
Слагая в помыслах
Ненужный глупый стих.

Ты говоришь:
Что у тебя украли,
Что я дурак,
А город – плут и мот.

Но только, дедушка,
Едва ли так, едва ли, —
Плохую лошадь
Вор не уведет.

Плохую лошадь
Со двора не сгонишь,
Но тот, кто хочет
Знать другую гладь,
Тот скажет:
Чтоб не сгнуть в затоне,
Страну родную
Нужно покидать.

Вот я и кинул.
Я в стране далекой.
Весна.
Здесь розы больше кулака.
И я твоей
Судьбине одинокой
Привет их теплый
Шлю издалека.

Теперь метель
Вовсю свистит в Рязани,
А у тебя —
Меня увидеть зуд.
Но ты ведь знаешь —

Никакие сани
Тебя сюда
Ко мне не завезут.

Я знаю —
Ты б приехал к розам,
К теплу.
Да только вот беда:
Твое проклятье
Силе паровоза
Тебя навек
Не сдвинет никуда.

А если я помру?
Ты слышишь, дедушка?
Помру я?
Ты сядешь или нет в вагон,
Чтобы присутствовать
На свадьбе похорон
И спеть в последнюю
Печаль мне «аллилуйя»?

Тогда садись, старик.
Садись без слез,
Доверься ты
Стальной кобыле.
Ах, что за лошадь,
Что за лошадь паровоз!

Ее, наверное,
В Германии купили.

Чугунный рот ее
Привык к огню,
И дым над ней, как грива, —
Черен, густ и четок.
Такую б гриву
Нашему коню, —
То сколько б вышло
Разных швабр и щеток!

Я знаю —
Время даже камень крошит...
И ты, старик,
Когда-нибудь поймешь,
Что, даже лучшую
Впрягая в сани лошадь,
В далекий край
Лишь кости привезешь...

Поймешь и то,
Что я ушел недаром
Туда, где бег
Быстрее, чем полет.
В стране, объятый вьюгой
И пожаром,
Плохую лошадь

Вор не уведет.

Декабрь 1924

Батум

Метель

*Прядите, дни, свою былую пряжу,
Живой души не перестроить век.
Нет!*

*Никогда с собой я не полажу,
Себе, любимому,
Чужой я человек.*

*Хочу читать, а книга выпадает,
Долит зевота,
Так и клонит в сон...*

*А за окном
Протяжный ветер рыдает,
Как будто чуя
Близость похорон.*

*Облезлый клен
Своей верхушкой черной
Гнусавит хрипло
В небо о былом.*

*Какой он клен?
Он просто столб позорный —
На нем бы вешать*

Иль отдать на слом.

*И первого
Меня повесть нужно,
Скрестив мне руки за спиной:
За то, что песней
Хриплой и недужной
Мешал я спать
Стране родной.*

*Я не люблю
Распевы петуха
И говорю,
Что если был бы в силе,
То всем бы петухам
Я выдрал потроха,
Чтобы они
Ночью не голосили.*

*Но я забыл,
Что сам я петухом
Орал вовсю
Перед рассветом края,
Отцовские заветы попирая,
Волнуясь сердцем
И стихом.*

Визжит метель,

Как будто бы кабан,
Которого зарезать собрались.
Холодный,
Ледяной туман,
Не разберешь,
Где даль,
Где близь...

Луну, наверное,
Собаки съели —
Ее давно
На небе не видать.
Выдергивая нитку из кудели,
С веретеном
Ведет беседу мать.

Оглохший кот
Внимает той беседе,
С лежанки свесив
Важную главу.
Недаром говорят
Пугливые соседи,
Что он похож
На черную сову.

Глаза смежаются,
И как я их прищурю,
То вижу въявь

Из сказочной поры:
Кот лапой мне
Показывает дулю,
А мать – как ведьма
С киевской горы.

Не знаю, болен я
Или не болен,
Но только мысли
Бродят невпопад.
В ушах могильный
Стук лопат
С рыданьем дальних
Колоколен.

Себя усопшего
В гробу я вижу
Под аллилуйные
Стенания дьячка.
Я веки мертвому себе
Спускаю ниже,
Кладя на них
Два медных пяточка.

На эти деньги,
С мертвых глаз,
Могильщику теплее станет, —
Меня зарыв,

*Он тот же час
Себя сивухой остаканит.*

*И скажет громко:
«Вот чудак!
Он в жизни
Буйствовал немало...
Но одолеть не мог никак
Пяти страниц
Из «Капитала».*

Декабрь 1924

Цветы

I

*Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край.*

*Любимые! Ну что ж, ну что ж!
Я видел вас и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.*

II

*Весенний вечер. Синий час.
Ну как же не любить мне вас,*

*Как не любить мне вас, цветы?
Я с вами выпил бы на «ты».*

*Шуми левкой и резеда.
С моей душой стряслась беда.
С душой моей стряслась беда.
Шуми, левкой и резеда.*

III

*Ах, колокольчик! твой ли пыл
Мне в душу песней позвонил
И рассказал, что васильки
Очей любимых далеки.*

*Не пой! не пой мне! Пощади.
И так огонь горит в груди
Она пришла, как к рифме «вновь»
Неразлучимая любовь.*

IV

*Цветы мои! не всякий мог
Узнать, что сердцем я продрог,
Не всякий этот холод в нем
Мог растопить своим огнем.*

*Не всякий, длани кто простер,
Поймать сумеет долю злую.
Как бабочка – я на костер*

Лечу и огненность целую.

V

*Я не люблю цветы с кустов,
Не называю их цветами.
Хоть прикасаюсь к ним устами,
Но не найду к ним нежных слов.*

*Я только тот люблю цветок,
Который врос корнями в землю,
Его люблю я и приемлю,
Как северный наш василек.*

VI

*И на рябине есть цветы,
Цветы – предшественники ягод,
Они на землю градом лягут,
Багрец свергая с высоты.*

*Они не те, что на земле.
Цветы рябин другое дело.
Они как жизнь, как наше тело,
Делимое в предвечной мгле.*

VII

*Любовь моя! прости, прости.
Ничто не обошел я мимо.
Но мне милее на пути,*

Что для меня неповторимо.

*Неповторимы ты и я.
Помрем – за нас придут другие.
Но это все же не такие —
Уж я не твой, ты не моя*

VIII

*Цветы, скажите мне прощай,
Головками кивая низко,
Что не увидать больше близко
Ее лицо, любимый край.*

*Ну что ж! пускай не увидать!
Я поражен другим цветеньем
И потому словесным пенъем
Земную буду славить гладь.*

IX

*А люди разве не цветы?
О милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова.*

*Как стебель тулово качая,
А эта разве голова
Тебе не роза золотая?*

Цветы людей и в солнь и в стыть

Умеют ползать и ходить

X

Я видел, как цветы ходили,
И сердцем стал с тех пор добрей,
Когда узнал, что в этом мире
То дело было в октябре.

Цветы сражались друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.
Их больше падало под вьюгой,
Но все же мощностью упругой
Они сразили палачей.

XI

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали.
Головку розы режет сталь,
Но все же не боюсь я стали.

Цветы ходячие земли!
Они и сталь сразят почище,
Из стали пустят корабли,
Из стали сделают жилища.

XII

И потому, что я постиг,

*Что мир мне не монашья схима,
Я ласково влагаю в стих,
Что все на свете повторимо.*

*И потому, что я пою,
Пою и вовсе не впустую,
Я милой голову мою
Отдам, как розу золотую.*

<1924>

Персидские мотивы

Несмотря на заглавие, цикл навеян не Персией (традиционное название Ирана), где Есенин никогда не был, хотя и хотел совершить это путешествие, а поездками в Закавказье (трижды, в период с сентября 1924 по август 1925 год) и встречами в Баку, Тифлисе (Тбилиси), Батуме.

В «Персидских мотивах» сказалось знакомство Есенина с творчеством классиков персидской и таджикской литературы Саади, Омара Хайяма, Фирдоуси, имена которых не раз встречаются в стихах этого цикла. Одно из них («Голубая да веселая страна...») было даже озаглавлено в рукописи «Подражание Омар Хаяму». Один из тифлисских знакомых

Есенина вспоминал: «...подвернулся мне томик – „Персидские лирики X–XV веков“ в переводе академика Корша. Я взял его домой почитать. А потом он оказался в руках Есенина, который уже не хотел расставаться с ним. Что-то глубоко очаровало поэта в этих стихах. Он ходил по комнате и декламировал Омара Хайяма...» (Восп., 2, 221).

* * *

*Улеглась моя былая рана,
Пьяный бред не гложет сердце
мне.*

*Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.*

*Сам чайханщик с круглыми пле-
чами,
Чтобы славилась пред русским
чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.*

*Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз цветет в твоём саду.
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.*

*Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и драк.*

*Ну, а этой за движенья стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.*

*Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.*

*И на дверь ты взглядывай не
очень,
Все равно калитка есть в саду...
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.*

1924

* * *

*Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по руб-
лю,
Как сказать мне для прекрасной*

*Лалы
По-персидски нежное «люблю»?*

*Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной
Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?*

*И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая.
Как сказать мне для прекрасной
Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?*

*И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.*

*Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.*

*От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.*

*«Ты – моя» сказать лишь могут
руки,
Что срывали черную чадру.*

1924

* * *

Во время пребывания в Батуме зимой 1924/25 годов Есенин познакомился с Шаганэ Нерсесовной Тальян – молодой учительницей одной из батумских школ. Ее имя стало эмоциональным рефреном стихотворения.

*Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.*

*Потому что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто
раз,
Как бы ни был красив Шираз,[10]
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому что я с севера, что ли.*

*Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —*

Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

1924

* * *

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Ефратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,

*Ведь одна отрада мне —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.*

*И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.*

19 декабря 1924

* * *

*Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.*

*Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым ста-
ном,
На коленях дай мне отдохнуть.*

*Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени – Россия —
Я известный, признанный поэт.*

У меня в душе звенит тальянка,

При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий, синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не клянусь,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем.
Все равно – глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

21 декабря 1924

* * *

Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.

Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.
Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли,
Закрывая телесную медь?
Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,
Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце,
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке
Осеньет своя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая
Я спую тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям.

1924

* * *

Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чащи.
Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий.

Лугом пройдешь, как садом,
Садом – в цветенье диком,
Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не припасть к гвоздикам.
Лугом пройдешь, как садом.

Шепот ли, шорох иль шелест —
Нежность, как песни Саади.
Вмиг отразится во взгляде
Месяца желтая прелесть,
Нежность, как песни Саади.

Голос раздастся перу,
Тихий, как флейта Гассана.

*В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери,
Только лишь флейта Гассана.*

*Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.*

<1925>

* * *

*Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.*

*Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо
Отзвенел давно звеневший сад.*

*Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травой.
Ты же, путник, мертвым не внем-
ли,
Не склоняйся к плитам головою.*

Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тя-
нет.

Помиришь лишь в сердце со врагом

И тебя блаженством ошафра-
нит.

Жить – так жить, любить – так
уж влюбляться

В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мертвым покло-
няться,

То живых тем сном не отравляй.

Это пела даже Шахразада, —
Так вторично скажет листьев
медь.

Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть

<1925>

* * *

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь? —
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я отпереть,
Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстаюсь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья,
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

Март 1925

* * *

Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью про-

стыв,
Позабыть о ласковом урусе
И глазах задумчиво простых.
Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.

Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как бра-
га.
И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе —
И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрю-
мый
Оставляю песенку про Русь:

*Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...*

Март 1925

* * *

*Быть поэтом – это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.*

*Быть поэтом – значит петь раз-
дольно,
Чтобы было для тебя известней.
Соловей поет – ему не больно,
У него одна и та же песня.*

*Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягуш-
ка.*

*Магомет перехитрил в Коране,
Запрещая крепкие напитки,
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на пытки.*

*И когда поэт идет к любимой,
А любимая с другим лежит на ложе,
Влагою живительной хранимый,
Он ей в сердце не запустит ножик.*

*Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до дома:
«Ну и что ж, помру себе бродягой,
На земле и это нам знакомо».*

Август 1925

* * *

*Руки милой – пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.*

*Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.*

*Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою,
Только тегеранская луна*

Не согреет песни теплотою.

*Я не знаю, как мне жизнь про-
жить:*

*Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно ту-
жить*

О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:

*Что приятно уху, что – для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Ширази.*

*Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.*

Август 1925

* * *

*«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хороссана?
Словно я хожу равниной русской
Под шуршащим пологом тумана», —*

Так спросил я, дорогая Лала,

У молчащих ночью кипарисов,
Но их рать ни слова не сказала,
К небу гордо головы завьисив.

«Отчего луна так светит грустно?» —

У цветов спросил я в тихой чаще,
И цветы сказали: «Ты почувствуй
По печали розы шелестящей».

Лепестками роза расплескалась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала».

Говорила: «Русский не заметит...
Сердцу – песнь, а песне – жизнь и
тело...»

Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела.

Слишком много виделось измены,
Слез и мук, кто ждал их, кто не
хочет.

...
Но и все ж вовек благословенны
На земле сиреневые ночи.

Август 1925

Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участья...
Глупое сердце, не бейся.

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Лале склонясь на шальвары,
Я под чадрую укроюсь.
Глупое сердце, не бейся.

Все мы порою, как дети,
Часто смеемся и плачем.
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бейся.

Многие видел я страны,
Счастья искал повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бейся.

Жизнь не совсем обманула.
Новой напьемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой.

Жизнь не совсем обманула.

*Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся.*

Август 1925

* * *

По свидетельству С.А. Толстой-Есениной, это стихотворение посвящено Розе Чагиной, шестилетней дочери Петра Ивановича Чагина, журналиста и издательского работника, редактора газеты «Бакинский рабочий», где была впервые напечатана часть стихотворений цикла «Персидские мотивы». Роза Чагина «сама себя прозвала „Гелия Николаевна“ по имени какой-то актрисы. Все окружающие в шутку так ее и называли. Есенин очень любил и понимал детей и находился с этой девочкой в большой дружбе».

*Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?*

Слышишь, роза клонится и гнет-
ся —

Эта песня в сердце отзовется
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Ты – ребенок, в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости.
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе, ты и я,
За такие милые края
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна.
Пусть вся жизнь моя за песню
продана,
Но за Гелию в тенях ветвей
Обнимает розу соловей.

1925

Собаке Качалова

Об обстоятельствах написания этого стихотворения подробно рассказывает в своих воспоминаниях В.И. Качалов.

«Это было, по-моему, в марте 1925 года. „Он давно знает вас по театру и хочет познакомиться“. Рассказали, что в последние дни он шибко пил, вчера особенно, а сегодня с утра пьет только молоко. Хочет прийти ко мне почему-то непременно трезвым. Часам к двенадцати ночи я отыграл спектакль, прихожу домой. Небольшая компания моих друзей и Есенин уже сидят у меня. Поднимаюсь по лестнице и слышу радостный лай Джима, той самой собаки, которой потом Есенин посвятил стихи. Тогда Джиму было всего четыре месяца. Я вошел и увидел Есенина и Джима – они уже познакомились и сидели на диване, вплотную прижавшись друг к другу. Есенин одною рукой обнял Джима за шею, а в другой держал его лапу и хриплым баском приговаривал: „Что это за лапа, я сроду не видал такой“. Джим радостно взвизгивал, стремительно высовывал голову из-под мышки Есенина и лизал его лицо. Есенин встал и с трудом ста-

рался освободиться от Джима, но тот продолжал на него скакать и еще несколько раз лизнул его в нос. „Да постой же, может быть, я не хочу больше с тобой целоваться. Что же ты, как пьяный, все время лезешь целоваться!“ – бормотал Есенин с широко расплывшейся детски лукавой улыбкой. Сразу запомнилась мне эта его детски лукавая, как будто даже с хитрецей улыбка. <...>

Сидели долго. Пили. О чем-то спорили, галдели, шумели. Есенин пил немного, меньше других, совсем не был пьян, но и не скучал, по-видимому, был весь тут, с нами, о чем-то спорил, на что-то жаловался. Вспоминал о первых своих шагах поэта, знакомстве с Блоком. Рассказывал и вспоминал о Тегеране. Тут же прочел «Шаганэ». Замечательно читал он стихи. И в этот первый вечер нашего знакомства, и потом, каждый раз, когда я слышал его чтение, я всегда испытывал радость от его чтения. У него было настоящее мастерство и заразительная искренность. <...>

Джиму уже хотелось спать, он громко и нервно зевал, но, очевидно, из любопытства присутствовал, и, когда Есенин читал стихи,

Джим внимательно смотрел ему в рот. Перед уходом Есенин снова долго жал ему лапу: «Ах ты, черт, трудно с тобой расстаться. Я ему сегодня же напишу стихи. Приду домой и напишу». <...>

Прихожу как-то домой – вскоре после моего первого знакомства с Есениным. Мои домашние рассказывают, что без меня заходили трое: Есенин, Пильняк и еще кто-то, Тихонов, кажется. У Есенина на голове был цилиндр, и он объяснил, что надел цилиндр для парада, что он пришел к Джиму с визитом и со специально ему написанными стихами, но так как акт вручения стихов Джиму требует присутствия хозяина, то он придет в другой раз. И все трое молча ушли. Молча – и «нам показалось, – добавили мои домашние, – что все трое как будто слегка пошатывались». <...>

В июне того же года наш театр приехал на гастроли в Баку. <...> Приходит молодая миловидная смуглая девушка и спрашивает:

- Вы Качалов?
- Качалов, – отвечаю.
- Один приехали?
- Нет, с театром.

– А больше никого не привезли?

Недоумеваю:

– Жена, – говорю, – со мною, товарищи.

– А Джима нет с вами? – почти вскрикнула.

– Нет, – говорю, – Джим в Москве остался.

– А-яй, как будет убит Есенин, он здесь в больнице уже две недели, все бредит Джимом и говорит докторам: «Вы не знаете, что это за собака. Если Качалов привезет Джима сюда, я буду моментально здоров. Пожму ему лапу и буду здоров, буду с ним купаться в море».

Девушка отошла от меня огорченная.

– Ну что ж, как-нибудь подготовлю Есенина, чтобы не рассчитывал на Джима.

Как выяснилось потом, это была та самая Шаганэ, персиянка. <...>

А вот и конец декабря в Москве. Есенин в Ленинграде. Сидим в «Кружке». Часа в два ночи вдруг почему-то обращаюсь к Мариенгофу:

– Расскажи, что и как Сергей.

– Хорошо, молодцом, поправился, сейчас уехал в Ленинград, хочет там жить и работать, полон всяких планов, решений, надежд. Был у него неделю назад, навещал его в санатории, просил тебе кланяться. И Джиму – обя-

зательно.

– Ну, – говорю, – выпьем за его здоровье.

Чокнулись.

– Пьем, – говорю, – за Есенина.

Все подняли стаканы. Нас было за столом человек десять. Это было два – два с половиной часа ночи с 27 на 28 декабря. Не знаю, да, кажется, это и не установлено, жил ли, дышал ли еще наш Сергей в ту минуту, когда мы пили за его здоровье.

– Кланяется тебе Есенин, – сказал я Джиму под утро, гуляя с ним по двору. Даже повторил: – Слышишь, ты, обалдуй, чувствуешь – кланяется тебе Есенин.

Но у Джима в зубах было что-то, чем он был всецело поглощен – кость или льдина, – и он даже не покосился в мою сторону.

Я ничем веселым не был поглощен в это полутемное, зимнее, морозное утро, но не посетило и меня никакое предчувствие или ощущение того, что совершилось в эту ночь в ленинградском «Англетере».

Так и не почувствовал, по-видимому, Джим пришествия той самой гостьи, «что всех безмолвней и грустней», которую так

упорно и мучительно ждал Есенин. <...>»

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не ли-
жись,
Пойми со мной хоть самое про-
стое.
Ведь ты не знаешь, что такое
жизнь,
Не знаешь ты, что жить на све-
те стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме
много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потро-
гать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такою милою доверчивой при-
ятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь цело-

ваться.

*Мой милый Джим, среди твоих
гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и
грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?*

*Она придет, даю тебе поруку
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был вино-
ват.*

1925

Василий Иванович Качалов (1875–1948) – выдающийся театральный артист; один из соратников К.С. Станиславского, ведущий актёр Московского Художественного театра. Произведения Есенина вошли в его концертный репертуар с 1922 года – за несколько лет до личного знакомства с Есениным в марте 1925 года.

* * *

*Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после*

гроз,
И душа моя – поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляню.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что случилось в
стране,
И простим, где нас горько обиде-
ли
По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году

—
Слишком мало я в юности требо-
вал,
Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжелу-
дьясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная моло-
дость,
Золотая сорвиголова!

1925

Песня

Есть одна хорошая песня у соло-
вушки —
Песня панихидная по моей голо-
вушке.

Цвела – забубенная, росла – ноже-
вая,
А теперь вдруг свесилась, словно
неживая.

Думы мои, думы! Боль в висках и
темени
Промотал я молодость без поры,
без времени.

Как случилось-стало, сам не понимаю
Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую
В темноте мне кажется – обнимаю милую.

За окном гармоника и сиянье месяца
Только знаю – милая никогда не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь – заря вишневая,
Как гитара старая и как песня новая.

С теми же улыбками, радостью и муками,
Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха —
Все равно любимая отцветет че-

ремухой.

Я отцвел, не знаю где. В пьянстве,
что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь
оставили.

Потому хорошая песня у соловуш-
ки,
Песня панихидная по моей голо-
вушке.

Цвела – забубенная, была – ноже-
вая,
А теперь вдруг свесилась, словно
неживая.

1925

* * *

Ну, целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас.
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!

Оглядишься спокойным взором,
Посмотри: во мгле сырой
Месяц, словно желтый ворон,
Кружит, вьется над землей.

Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почуял
Тот, кто вьется в вышине.

Увядающая сила!
Умирать – так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.

Чтоб все время в синих дремах,
Не стыдясь и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я – твоя».

И чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас —
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

1925

Письмо к сестре[11]

О Дельвиге писал наш Александр,

О черепе выласкивал он
Строки
Такой прекрасный и такой дале-
кий,
Но все же близкий,
Как цветущий сад!

Привет, сестра!
Привет, привет!
Крестьянин я иль не крестьянин?!
Ну как теперь ухаживает дед
За вишнями у нас, в Рязани?

Ах, эти вишни!
Ты их не забыла?
И сколько было у отца хлопот,
Чтоб наша тощая
И рыжая кобыла
Выдергивала плугом корнеплод.

Отцу картофель нужен.
Нам был нужен сад.
И сад губили,
Да, губили, душка!
Об этом знает мокрая подушка
Немножко... Семь...
Иль восемь лет назад.

Я помню праздник,
Звонкий праздник мая.
Цвела черемуха,
Цвела сирень.
И, каждую березку обнимая,
Я был пьяней,
Чем синий день.

Березки!
Девушки-березки!
Их не любить лишь может тот,
Кто даже в ласковом подростковом
Предугадать не может плод.

Сестра! Сестра!
Друзей так в жизни мало!

Как и на всех,
На мне лежит печать...
Коль сердце нежное твое
Устало,
Заставь его забыть и замолчать.

Ты Сашу знаешь.
Саша был хороший.
И Лермонтов
Был Саше по плечу.
Но болен я...

Сиреновой порошей
Теперь лишь только
Душу излечу.

Мне жаль тебя.
Останешься одна,
А я готов дойти
Хоть до дуэли.
«Блажен, кто не допил до дна»[12]
И не дослушал глас свирели.

Но сад наш!..
Сад...
Ведь и по нем весной
Пройдут твои
Заласканные дети.
О!
Пусть они
Помянут невпопад,
Что жили...

Чудаки на свете.
<1925>

* * *

Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь...
Я вспомнил тебя, дорогую,

Моя одряхлевшая мать.

*Как прежде ходя на пригорок,
Костыль свой сжимая в руке,
Ты смотришь на лунный опорок,
Плывущий по сонной реке.*

*И думаешь горько, я знаю,
С тревогой и грустью большой,
Что сын твой по отчему краю
Совсем не болеет душой.*

*Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.*

*Пускай мы росли ножевые,
А сестры росли, как май,
Ты все же глаза живые
Печально не подымай.*

*Довольно скорбеть! Довольно!
И время тебе подсмотреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.*

Ведь радость бывает редко,

Как вешняя звень поутру,
И мне – чем сгнивать на ветках
—
Уж лучше сгореть на ветру.
<1925>

* * *

Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник.
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует конопляник.

Пусть неровные луга
Обо мне поют крапивой, —
Брызжет полночью дуга,
Колокольчик говорливый.

Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть.
Песне тайна не дана,
Где ей жить и где погинуть.

Но на склоне наших лет
В отчий дом ведут дороги.
Повезут глухие дроги
Полутруп, полускелет.

Ведь недаром с давних пор

Поговорка есть в народе:
Даже пес в хозяйский двор
Издыхать всегда приходит.

Ворочусь я в отчий дом —
Жил и нежил бедный странник...

...
В синий вечер над прудом
Прослезится конопляник.

<1925>

* * *

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие што-
ры
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне ми-
ла,
Как приятная память о друге.

*Сад польщит, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтоб каждый дрожал
От щемящего слова «милый».*

*Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая.*

*Принимаю – приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отра-
да...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.*

1925

* * *

*Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин, —
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.*

*По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.*

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

<1925>

* * *

Прощай, Баку! Тебя я не увижу

Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе,
И чувствую сильнее простое слово: друг.

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волны Каспия, и балаханский май.

Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму...
Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреневом дыму.

Май 1925

* * *

Вижу сон. Дорога черная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне
Едет милая ко мне.

*Едет, едет милая,
Только не любимая.*

*Эх, береза русская!
Путь-дорога узкая.
Эту милую, как сон,
Лишь для той, в кого влюблен,
Удержи ты ветками,
Как руками меткими.*

*Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь.
Свет такой таинственный,
Словно для единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.*

*Хулиган я, хулиган.
От стихов дурак и пьян.
Но и все ж за эту прить,
Чтобы сердцем не остыть,
За березовую Русь
С нелюбимой помирюсь.*

2 июля 1925

* * *

*Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку – чтоб с рыбой невода,*

Пахарю – чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.

Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинок также можно пить

Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.

Хорошо лежать в траве зеленой
И, впиваясь в призрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюб-
ленный,
На себе, уставшем, вспоминать.

Коростели свищут... коростели...
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опросте-
ли
Под веселой ношею труда.

Только я забыл, что я крестья-
нин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не
странен
Дорогим мне пашням и лесам.

*Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над боло-
том,
В душу плачут чибис и кулик.*

12 июля 1925

* * *

По свидетельству С.А. Толстой-Есениной, в стихотворении «отразился действительный случай, бывший с Есениным, – попугай у цыганки-гадалки вынул ему обручальное кольцо», которое он подарил С.А. Толстой.

*Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебесясь,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.*

*Милая, мне скоро стукнет трид-
цать,
И земля милей мне с каждым
днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.*

*Коль гореть, так уж гореть сго-
рая,*

*И недаром в липовую цветъ
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сго-
реть.*

*То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарман-
ка,
Не могу не думать, не робеть.*

*В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь друго-
му
Ты его со смехом отдала?*

*Может быть, целуясь до рассве-
та,
Он тебя спрашивает сам,
Как смешного, глупого поэта
Привела ты к чувственным сти-
хам.*

*Ну и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.*

14 июля 1925

* * *

*Я иду долиной. На затылке кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.*

*Далеко сияют розовые степи,
Широко синее тихая река.*

*Я – беспечный парень. Ничего не
надо.*

*Только б слушать песни – сердцем
подпевать,*

*Только бы струилась легкая про-
хлада,*

*Только б не сгибалась молодая
стать.*

*Выйду за дорогу, выйду под отко-
сы, —*

*Сколько там нарядных мужиков
и баб!*

*Что-то шепчут грабли, что-то
свищут косы*

*«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль
не слаб?»*

На земле милее. Полно плавать в

небо
Как ты любишь доли, так бы
труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль кре-
стьянским не был?
Размахнись косою, покажи свой
пыл».

Ах, перо не грабли, ах, коса не руч-
ка, —
Но косою выводят строчки хоть
куда.
Под весенним солнцем, под весен-
ней тучкой
Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм
английский
Что же, дайте косу, я вам пока-
жу —
Я ли вам не свойский, я ли вам не
близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне
кочки.
Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные

*строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.*

*В этих строчках – песня, в этих
строчках – слово.
Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая
корова,
Отдавая плату теплым моло-
ком.*

18 июля 1925

* * *

*Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теп-
лынь.*

*Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.*

*Свет луны, таинственный и длин-
ный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный*

Не разлюбит отчие поля.

*И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревёнчатой избы.*

*По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.*

*Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!*

Июль 1925

* * *

*Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.*

Я помню осенние ночи,

*Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.*

*Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».*

*Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.*

*И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.*

<1925>

* * *

*Тихий ветер. Вечер сине-хмурый
Я смотрю широкими глазами.
В Персии такие ж точно куры,
Как у нас в соломенной Рязани.*

*Тот же месяц, только чуть по-
шире,*

Чуть желтее и с другого края.
Мы с тобою любим в этом мире
Одинаково со всеми, дорогая.

Ночи теплые, не в воле я, не в си-
лах,
Не могу не прославлять, не петь
их.
Так же девушки здесь обнимали
милых
До вторых до петухов, до тре-
тьих.

Ах, любовь! Она ведь всем знако-
ма,
Это чувство знают даже кошки,
Только я с отчизной и без дома
От нее собираю скромно крошки.

Счастья нет. Но горевать не буду
—
Есть везде родные сердцу куры,
Для меня рассеяны повсюду
Молодые чувственные дуры.

С ними я все радости приемлю
И для них лишь говорю стихами:
Оттого, знать, люди любят зем-

лю,
Что она пропахла петухами.
<1925>

* * *

Море голосов воробьиных.
Ночь, а как будто ясно,
Так ведь всегда прекрасно.
Ночь, а как будто ясно,
И на устах невинных
Море голосов воробьиных.

Ах, у луны такое
Светит – хоть кинься в воду.
Я не хочу покоя
В синюю эту погоду.
Ах, у луны такое
Светит – хоть кинься в воду.

Милая, ты ли? та ли?
Эти уста не устали.
Эти уста, как в струях,
Жизнь утолят в поцелуях.
Милая, ты ли? та ли?
Розы ль мне то нашептали?

Сам я не знаю, что будет.
Близко, а может, гдей-то

Плачет веселая флейта.
В тихом вечернем гуде
Чту я за лилии груди.
Плачет веселая флейта,
Сам я не знаю, что будет.

<1925>

* * *

Гори, звезда моя, не падай,
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.

Ты светишь августом и рожью
И наполняешь тишь полей
Такой рыдалистою дрожью
Неотлелевших журавлей.

И, голову вздымая выше,
Не то за рощей – за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.

И золотеющая осень,
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,
Листвою плачет на песок.

*Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Не по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.*

*Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.*

*Но, погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.*

17 августа 1925

* * *

*Жизнь – обман с чарующей тос-
кою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.*

*Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожь,
Жизнь – обман, но и она порою
Украшает радостями ложь.*

Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе».

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь –
стезя.
Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменяют легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным
словом,
Пусть острее бритвы злой язык,

Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил – забыли про меня.

Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и люби-
мой,
Эту жизнь за все благодарю.

17 августа 1925

* * *

*Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?*

*С отягченными веками
Я смотрю и смотрю на луну.
Вот опять петухи кукарекнули
В обосененную тишину.*

*Предрассветное. Синее. Раннее.
И летающих звезд благодать.
Загадать бы какое желание,
Да не знаю, чего пожелать.*

*Что желать под житейскою но-
шею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.*

*Чтоб с глазами она васильковы-
ми
Только мне —*

Не кому-нибудь —
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.

Чтоб под этою белою лунностью,
Принимая счастливый удел,
Я над песней не таял, не млея
И с чужою веселою юностью
О своей никогда не жалел.

Август 1925

* * *

Над окошком месяц. Под окош-
ком ветер.
Облетевший тополь серебрист и
светел.

Дальний плач тальянки, голос
одинокий —
И такой родимый, и такой дале-
кий.

Плачет и смеется песня лиховая
Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спо-
заранку
Выходил к любимой, развернув

тальянку.

А теперь я милой ничего не значу
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

Август 1925

* * *

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!

Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?

Не шуми, осина, не пыли, дорога.
Пусть несется песня к милой до порога.

Пусть она услышит, пусть она поплачет,

Ей чужая юность ничего не значит.

Ну, а если значит – проживет не мучась.

Где ты, моя радость? Где ты, моя участь?

Лейся, песня, пуще, лейся, песня, звяньше.

Все равно не будет то, что было

раньше.

*За былую силу, гордость и осанку
Только и осталась песня под та-
льянку.*

8 сентября 1925

* * *

Стихотворение посвящено младшей сестре Есенина – Александре Александровне (1911–1981). Осенью 1924 года она приехала из Константинова в Москву, где продолжила учение в школе. А.А. Есенина вспоминала, что в один из сентябрьских дней Есенин предложил ей и жене, Софье Толстой-Есениной покататься на извозчике.

«День был теплый, тихий. Лишь только мы отъехали от дома, как мое внимание привлекли кошки. Уж очень много их попало на глаза. Столько кошек мне как-то не приходилось встречать раньше, и я сказала об этом Сергею. Сначала он только улыбнулся и продолжал спокойно сидеть, погруженный в какие-то размышления, но потом вдруг громко рассмеялся. Мое открытие ему показалось забавным, и он тотчас же превратил его в игру, предложив считать всех кошек, попа-

давшихся нам на пути... Это занятие нас всех развеселило, а Сергей увлекся им, пожалуй, больше, чем я. Завидев кошку, он вскакивал с сиденья и, указывая рукой на нее, восклицал: „Вон, вон еще одна!“ Мы так беззаботно и весело хохотали, что даже угрюмый извозчик добродушно улыбался. Когда мы доехали до Театральной площади, Сергей предложил зайти пообедать. И вот я первый раз в ресторане. Швейцары, ковры, зеркала, сверкающие люстры – все это поразило и ошеломило меня. Я увидела себя в огромном зеркале и оторопела: показалась такой маленькой, неуклюжей, одета по-деревенски и покрыта красивым, но деревенским платком. Но со мной Соня и Сергей. Они ведут себя просто и свободно. И, уцепившись за них, я шагаю к столу у колонны. Видя мое смущение, Сергей все время улыбался, и чтобы окончательно смутить меня, он проговорил: „Смотри, какая ты красивая, как все на тебя смотрят...“ ...А на следующий день Сергей написал и посвятил мне стихи: „Ах, как много на свете кошек, нам с тобой их не счесть никогда...“ и „Я красивых таких не видел...“.

Сестре Шуре

Я красивых таких не видел,
Только, знаешь, в душе затаю
Не в плохой, а в хорошей обиде —
Повторяешь ты юность мою.

Ты – мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную теребя?

Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?

Что поет теперь мать за куде-
лью?
Я навеки покинул село,
Только знаю – багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю то, что о нас с тобой вме-
сте
Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воет покинутый пес.

Но и все ж возвращаться не надо,
Потому и достался не в срок,
Как любовь, как печаль и отрада,
Твой красивый рязанский платок.

13 сентября 1925

* * *

Сестре Шуре

Ах, как много на свете кошек,
Нам с тобой их не счесть нико-
гда.

Сердцу снится душистый горо-
шек,
И звенит голубая звезда.

Наяву ли, в бреду иль спросонок,
Только помню с далекого дня —
На лежанке мурлыкал котенок,
Безразлично смотря на меня.

Я еще тогда был ребенок,
Но под бабкину песню вскок
Он бросался, как юный тигренок,
На оброненный ею клубок.

Все прошло. Потерял я бабуку,
А еще через несколько лет
Из кота того сделали шапку,

А ее износил наш дед.

13 сентября 1925

* * *

Сестре Шуре

*Ты запой мне ту песню, что
прежде
Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.*

*Я ведь знаю, и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожь —
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.*

*Ты мне пой, ну а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою —
Вижу вновь дорогие черты.*

*Ты мне пой, ведь моя отрада —
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.*

*Ты мне пой, ну а я припомню
И не буду забывчиво хмур:*

Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.

Потому так и сердцу не жестко

Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.

13 сентября 1925

* * *

Сестре Шуре

В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.

В первый раз я от месяца греюсь,
В первый раз от прохлады согрет,
И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.

Это сделала наша равнинность,

*Посоленная белью песка,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.*

*Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно, не
врозь —
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.*

13 сентября 1925

* * *

*Эх вы, сани! А кони, кони!
Видно, черт их на землю принес.
В залихватском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.*

*Снеговая, пустая дорога,
Только скрип, только снег и поля.
Ах, как выткало небо много
Рассыпающегося миткаля.*

*Ни луны, ни собачьего лая
В далеке, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.*

Пой, ямицк, вперекор этой ночи,

—
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.

Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложешь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охапку, —
Вспоминай лишь, как звали меня.

И откуда бралась осанка,
А в полуночную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.

Все прошло. Поредел мой волос
Конь издох, опустел наш двор,
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.

Но и все же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

19 сентября 1925

* * *

Снежная замять дробится и ко-

летя,
Сверху озябшая светит луна.
Снова я вижу родную околицу,
Через метель огонек у окна.

Все мы бездомники, много ли
нужно нам.
То, что далось мне, про то и пою.
Вот я опять за родительским
ужином,
Снова я вижу старушку мою.

Смотрит, а очи слезятся, слезят-
ся,
Тихо, безмолвно, как будто без
мук.
Хочет за чайную чашку взяться

Чайная чашка скользит из рук.

Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дру-
жись,
Слушай, под эту гармонику снеж-
ную
Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел и много я стран-

с­т­во­вал,
Мно­го любил я и мно­го стра­дал,
И от­то­го хули­ганил и пьян­ство­вал,
Что луч­ше тебя ни­ко­го не ви­дал.

Вот и опя­ть у ле­жан­ки я гре­юсь,
Сбросил ботин­ки, пид­жак свой раз­дел.
Сно­ва я ожил и сно­ва на­де­юсь
Так же, как в дет­стве, на луч­ший у­дел.

А за ок­ном под ме­тель­ные всхли­пы,
В ди­ком и шум­ном ме­тель­ном ча­ду,
Ка­жет­ся мне – осы­па­ют­ся ли­пы,
Бе­лые ли­пы в на­шем са­ду.

20 сен­тяб­ря 1925

* * *

Си­ний ту­ман. Сне­го­вое раз­дол­ье,
Тон­кий лимон­ный лун­ный свет.
Сер­дцу при­ятно с ти­хой боль­ю
Что­ни­будь вспо­мнить из ран­них лет.

Снег у крыльца, как песок зыбу-
чий.

Вот при такой же луне без слов,
Шапку из кошки на лоб нахлобу-
чив,
Тайно покинул я отчий кров.

Снова вернулся я в край родимый.
Кто меня помнит? Кто позабыл?
Грустно стою я, как странник го-
нимый,
Старый хозяин своей избы.

Молча я комкаю новую шапку,
Не по душе мне соболий мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил я
бабку,
Вспомнил кладбищенский рыхлый
снег.

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей не радей,

—
Вот почему так тянусь я к лю-
дям,
Вот почему так люблю людей.

Вот отчего я чуть-чуть не запла-

кал
И, улыбаясь, душой погас, —
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.

24 сентября 1925

* * *

Слышишь – мчатся сани, слы-
шишь – сани мчатся
Хорошо с любимой в поле зате-
ряться.

Ветерок веселый робок и застен-
чив,
По равнине голой катится бубен-
чик.

Эх вы, сани, сани! Конь ты мой бу-
ланный!
Где-то на поляне клен танцует
пьяный.

Мы к нему подъедем, спросим –
что такое?
И станцуем вместе под тальянку
трое.

3 октября 1925

* * *

Голубая кофта. Синие глаза
Никакой я правды милой не ска-
зал.

Милая спросила: «Крутит ли ме-
тель?
Затопить бы печку, постелить
постель».

Я ответил милой: «Нынче с высо-
ты
Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели по-
стель,
У меня на сердце без тебя ме-
тель».

3 октября 1925

* * *

Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.

Мчится на тройке чужая мла-
дость,
Где мое счастье? Где моя ра-

дость?

*Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной трой-
ке.*

4/5 октября 1925

* * *

*Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.*

*Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече... мимо...*

*Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!*

4/5 октября 1925

* * *

*Не криви улыбку, руки беребя,
Я люблю другую, только не тебя.*

*Ты сама ведь знаешь, знаешь хоро-
шо —
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.*

Проходил я мимо, сердцу все рав-

но —

Просто захотелось заглянуть в
окно.

4/5 октября 1925

* * *

Сочинитель бедный, это ты ли
Сочиняешь песни о луне?

Уж давно глаза мои остыли
На любви, на картах и вине.

Ах, луна влезает через раму,
Свет такой, хоть выколи глаза...
Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.

4/5 октября 1925

* * *

Плачет метель, как цыганская
скрипка.

Милая девушка, злая улыбка,
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не на-
до.

Так мы далеки и так не схожи —
Ты молодая, а я все прожил.

Юношам счастье, а мне лишь па-
мать
Снежною ночью в лихую замять.

Я не заласкан – буря мне скрипка.
Сердце метелит твоя улыбка.

4/5 октября 1925

* * *

Ах, метель такая, просто черт
возьми!
Забивает крышу белыми гвоздь-
ми.
Только мне не страшно, и в моей
судьбе
Непутевым сердцем я прибит к
тебе.

4/5 октября 1925

* * *

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по ле-
сам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я
ли сам?

4/5 октября 1925

Свищет ветер, серебряный ветер,
В шелковом шелесте снежного
шума.
В первый раз я в себе заметил —
Так я еще никогда не думал.

Пусть на окошках гнилая сы-
рость,
Я не жалею, и я не печален.
Мне все равно эта жизнь полюби-
лась,
Так полюбилась, как будто внача-
ле.

Взглянет ли женщина с тихой
улыбкой —
Я уж взволнован. Какие плечи!
Тройка ль проскачет дорогой зыб-
кой —
Я уже в ней и скажу далече.

О, мое счастье и все удачи!
Счастье людское землей любимо.
Тот, кто хоть раз на земле запла-
чет, —
Значит, удача промчалась мимо.

*Жить нужно легче, жить нужно
проще,
Все принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев, над рощей
Свищет ветер, серебряный ветер.*

14 октября 1925

* * *

*Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.*

*Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.*

*Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец – крестьянин,
Ну, а я – крестьянский сын.*

*Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.*

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трын-травой.

21/22 октября 1925

* * *

Цветы мне говорят – прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну, что ж! Ну, что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.

И потому, что я постиг

Всю жизнь, пройдя с улыбкой ми-
мо, —
Я говорю на каждый миг,
Что все на свете повторимо.

Не все ль равно – придет другой,
Печаль ушедшего не сгложет,
Оставленной и дорогой
Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне
Как о цветке неповторимом.

27 октября 1925

* * *

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на

*дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил но-
гу.*

*Ах, и сам я нынче чтой-то стал
нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской по-
пойки.*

*Там вон встретил вербу, там сос-
ну приметил,
Распевал им песни под метель о
лете.*

*Сам себе казался я таким же кле-
ном,
Только не опавшим, а вовсю зеле-
ным.*

*И, утратив скромность, одурев-
ши в доску,
Как жену чужую, обнимал берез-
ку.*

28 ноября 1925

* * *

*Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.*

Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело, —
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз.
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, си-
ний
На этих липах не цветы —
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я – другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогую.

Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

30 ноября 1925

* * *

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.

Да, ты кажешься мне распро-
стертой,
И пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мерт-
вой,
Ловит воронов и воронят.

Ну и что же, лови, я не струшу,
Только как бы твой пыл не погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только
тень.
Мне в лице твоём снится другая,

У которой глаза – голубень.

*Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.*

*Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную ласкою ложь.*

*Но и все же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.*

1 декабря 1925

* * *

*Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти
млеешь,
Мне на плечи руки опустив.*

*Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.*

Расскажи мне, скольких ты ласкала?

Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

*Знаю я – они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.*

*Пусть твои полузакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.*

*Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспылчивая связь, —
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнусь, спокойно разойдясь.*

*Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.*

И когда с другим по переулку

Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогул-
ку,
И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый
вечер!»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь, —
Кто любил, уж тот любить не
может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

4 декабря 1925

* * *

Может, поздно, может, слишком
рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветреный поэт.

Что случилось? Что со мною
сталось?
Каждый день я у других колен.

Каждый день к себе теряю жа-
лость,
Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце мень-
ше
Билось в чувствах нежных и про-
стых,
Что ж ищу в очах я этих женщин
—
Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой.
На душе холодное кипенье
И сирени шелест голубой.

На душе – лимонный свет заката,
И все то же слышно сквозь ту-
ман, —
За свободу в чувствах есть рас-
плата,
Принимай же вызов, Дон-Жуан!

И, спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то ж —
Чтить метель за синий цветень
мая,

*Звать любовью чувственную
дрожь.*

*Так случилось, так со мною ста-
лось,
И с того у многих я колен,
Чтобы вечно счастье улыбалось,
Не смиряясь с горечью измен.*

13 декабря 1925

* * *

*Кто я? Что я? Только лишь меч-
татель,
Синь очей утративший во мгле,
Эту жизнь прожил я словно кста-
ти,
Заодно с другими на земле.*

*И с тобой целуюсь по привычке,
Потому что многих целовал,
И, как будто зажигая спички,
Говорю любовные слова.*

*«Дорогая», «милая», «навек»,
А в уме всегда одно и то ж,
Если тронуть страсти в челове-
ке,
То, конечно, правды не найдешь.*

Оттого душе моей не жестко
Не желать, не требовать огня,
Ты, моя ходячая березка,
Создана для многих и меня.

Но, всегда ища себе родную
И томясь в неласковом плену,
Я тебя нисколько не ревную,
Я тебя нисколько не кляню.

Кто я? Что я? Только лишь меч-
татель,
Синь очей утративший во мгле,
И тебя любил я только кстати,
Заодно с другими на земле.

<1925>

* * *

До свиданья, друг мой, до свиданья
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки,
без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

<1925>

Это последнее стихотворение Есенина. Написано накануне смерти, в ночь на 27 декабря. Днем Есенин передал его поэту, члену Воинствующего ордена имажинистов Вольфу Эрлиху (1902–1937), с которым был дружен с 1924 года, Но тот так и оставил рукопись у себя в кармане. Стихотворение, как рассказывал Эрлих, было прочитано им только на следующий день, когда стало известно о смерти Есенина.

Поэмы

Анна Снегина

По свидетельствам сестёр поэта, в поэме отразились впечатления от приездов поэта в родное село Константиново в 1917 и 1918 годах. Отчасти прообразом героини поэмы можно считать владелицу имения в Константинове Лидию Ивановну Кашину (см. комментарий к стихотворению «Зеленая прическа...»). Вместе с тем обстоятельства ее жизни далеки от судьбы Анны Снегиной в поэме. После октябрьского переворота Л.И. Кашина жила в Москве, работала в редакциях, время от времени они с Есениным виделись.

Поэма посвящена Александру Константиновичу Воронскому (1884–1937), литературному критику, не раз писавшему о творчестве Есенина.

А. Воронскому

1

«Село, значит, наше – Радово,

Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.

Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.

Оброки платили мы к сроку,
Но – грозный судья – старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягот.
Раз – власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.

Но люди – все грешные души.
У многих глаза – что клыки.

С соседней деревни Криюши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое —
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохой
На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий, —
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.

В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как ахнет! —
И сразу убил старшину.
На нашей быдластой сходке
Мы делу условили ширь.

Судили. Забили в колодки
И десять услали в Сибирь.
С тех пор и у нас неуряды.
Скатилась со счастья возжжа.
Почти что три года кряду

У нас то надеж, то пожар».

* * *

*Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.*

*Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я – игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушка-
ми,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу», [13] и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год.*

*Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смердном огне
Тогда над странною калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать*

Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу —
Был первый в стране дезертир.

* * *

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
«Ну, вот оно, наше Радово, —
Промолвил возница, —
Здесь!
Недаром я лошади вкладывал
За норы ее и спесь
Позволь, гражданин, на чаишко.
Вам к мельнику надо?
Так вон!..
Я требую с вас без излишка
За дальний такой прогон».

...
Даю сороковку.
«Мало!»
Даю еще двадцать.
«Нет!»
Такой отвратительный малый.

А малому тридцать лет.
«Да что ж ты?
Имеешь ли душу?
За что ты с меня гребешь?»
И мне отвечает туша:
«Сегодня плохая рожь.
Давайте еще незвонких
Десяток иль штукек шесть —
Я выпью в шинке самогонки
За ваше здоровье и честь...»

* * *

И вот я на мельнице...
Ельник
Осыпан свечьми светляков.
От радости старый мельник
Не может сказать двух слов:
«Голубчик! Да ты ли?
Сергуха!
Озяб, чай? Поди продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог!»

В апреле прозябнуть трудно,
Особенно так в конце.
Был вечер задумчиво чудный,
Как дружья улыбка в лице.
Объятья мельника круты,

От них заревет и медведь,
Но все же в плохие минуты
Приятно друзей иметь.

«Откуда? Надолго ли?»

«На год».

«Ну, значит, дружище, гуляй!
Сим летом грибов и ягод
У нас хоть в Москву отбавляй.
И дичи здесь, братец, до черта,
Сама так под порох и прет.
Подумай ведь только...

Четвертый

Тебя не видали мы год...»

...

...

Беседа окончена...

Чинно

Мы выпили весь самовар.
По-старому с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.

Так мил моим вспыхнувшим
взглядам
Состарившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки

Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

2

«Ну что же! Вставай, Сергуша!
Еще и заря не текла,
Старуха за милую душу
Оладьев тебе напекла.
Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной...
Ей
Вчера настрелял я к обеду
Прекраснейших дупелей».

Привет тебе, жизни денница!
Встаю, одеваюсь, иду.
Дымком отдаёт росяница
На яблонях белых в саду.
Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных

Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароят еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щек.

Нет, нет!
Не пойду навеки!
За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калеке
Пятак или гривенник в грязь.

«Ну, доброе утро, старуха!
Ты что-то немного сдала...»
И слышу сквозь кашель глухо:
«Дела одолели, дела.
У нас здесь теперь неспокойно.
Испариной все зацвело.
Сплошные мужицкие войны —
Дерутся селом на село.
Сама я своими ушами
Слыхала от прихожан:
То радовцев бьют криушане,
То радовцы бьют криушан.
А все это, значит, безвластье.
Прогнали царя...
Так вот...
Посыпались все напасти

На наш неразумный народ.
Открыли зачем-то остроги,
Злодеев пустили лихих.
Теперь на большой дороге
Покою не знай от них.
Вот тоже, допустим... с Криу-
ши...
Их нужно б в тюрьму за тюрь-
мой,
Они ж, воровские души,
Вернулись опять домой.
У них там есть Прон Оглоблин,
Булдыжник, драчун, грубиян.
Он вечно на всех озлоблен,
С утра по неделям пьян.
И нагло в третьёвом годе,
Когда объявили войну,
При всем честном народе
Убил топором старшину.
Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица Русь...»
Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость.

Иду голубою дорожкой
И вижу – навстречу мне
Несется мой мельник на дрожках
По рыхлой еще целине.
«Сергуха! За милую душу!
Постой, я тебе расскажу!
Сейчас! Дай поправить возжжу,
Потом и тебя оглоушу.
Чего ж ты мне утром ни слова?
Я Снегиным так и бряк:
Приехал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудак.
(Они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет.)
А дочь их замужняя Анна
Спросила:
– Не тот ли, поэт?
– Ну да, – говорю, – он самый.
– Блондин?
– Ну, конечно, блондин!
– С кудрявыми волосами?
– Забавный такой господин!
– Когда он приехал?
– Недавно
– Ах, мамочка, это он!
Ты знаешь,
Он был забавно
Когда-то в меня влюблен

Был скромный такой мальчишка,
А нынче...
Поди ж ты...
Вот...
Писатель...
Известная шишка...
Без просьбы уж к нам не придет».

И мельник, как будто с победы,
Лукаво прищурил глаз:
«Ну, ладно! Прощай до обеда.
Другое сдержу про запас».

Я шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал зелена.
Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо роман.

* * *

Но вот и Криуша...
Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиренью обрызгала тишь.

Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь —
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь.
Гляжу, на крыльце у Прона
Горластый мужицкий галдеж.
Толкуют о новых законах,
О ценах на скот и рожь.
«Здорово, друзья!»
«Э, охотник!
Здорово, здорово!
Садись!
Послушай-ка ты, беззаботник,
Про нашу крестьянскую жисть.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.
Но все ж мы тебя не порочим.
Ты – свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рья-
ным,
Себя вынимал на испод...
Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?

Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»

И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он – вы».

3

На корточках ползали слухи,
Судили, решали, шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.

Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.

Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар,
И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.

Мой мельник с ума, знать, спя-
тил.

Поехал,

Кого-то привез...

Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.

Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,
На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.

Я встал.

И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый:

«А!

Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала.

Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы – знаменитый поэт.

...

Ну, сядем

Прошла лихорадка?

Какой вы теперь не такой!
Я даже вздохнула украдкой,
Коснувшись до вас рукой.

Да...

Не вернуть, что было
Все годы бегут в водоем.
Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.
Мы вместе мечтали о славе...
И вы угодили в прицел,
Меня же про это заставил
Забывать молодой офицер...»

* * *

Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик.
Хотелось сказать:
«Довольно!
Найдемте другой язык!»

Но почему-то, не знаю,
Смущенно сказал невпопад:
«Да... Да...
Я сейчас вспоминаю...
Садитесь
Я очень рад.
Я вам прочитаю немного
Стихи

Про кабацкую Русь...
Отделано четко и строго.
По чувству – цыганская грусть».
«Сергей!
Вы такой нехороший
Мне жалко,
Обидно мне,
Что пьяные ваши дебоши
Известны по всей стране.
Скажите:
Что с вами случилось?»
«Не знаю».
«Кому же знать?»
«Наверно, в осеннюю сырость
Меня родила моя мать».
«Шутник вы...»
«Вы тоже, Анна».
«Кого-нибудь любите?»
«Нет».
«Тогда еще более странно
Губить себя с этих лет:
Пред вами такая дорога...»

Сгущалась, туманилась даль...
Не знаю, зачем я трогал
Перчатки ее и шаль.

...
Луна хохотала, как клоун.

*И в сердце хоть прежнего нет,
По-странному был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз...*

*Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.*

* * *

*Мой мельник...
Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.
Устроил волынку, бездельник,
И бегаёт, как почтальон.
Сегодня опять с запиской,
Как будто бы кто-то влюблен:
«Придите
Вы самый близкий.
С любовью
Оглоблин Прон».*

*Иду
Прихожу в Криушу.
Оглоблин стоит у ворот
И с пьяну в печенки и в душу
Костит обнищальный народ.
«Эй, вы!*

Тараканье отродье!
Все к Снегиной!..
Р-раз и квас!
Даешь, мол, твои угоды
Без всякого выкупа с нас!
И тут же, меня завидя,
Снижая сварливую прыть,
Сказал в неподдельной обиде:
«Крестьян еще нужно варить».

«Зачем ты позвал меня, Проша?»
«Конечно, ни жать, ни косить.
Сейчас я достану лошадь
И к Снегиной... вместе...
Просить...»
И вот запрягли нам клячу.
В оглоблях мосластая шкетъ —
Таких отдают с придачей,
Чтоб только самим не иметь.
Мы ехали мелким шагом,
И путь нас смешил и злил:
В подъемах по всем оврагам
Телегу мы сами везли.

Приехали.
Дом с мезонином
Немного присел на фасад.
Волнующе пахнет жасмином

Плетневый его палисад.
Слезаем.
Подходим к террасе
И, пыль отряхая с плеч,
О чем-то последнем часе
Из горницы слышим речь:
«Рыдай – не рыдай – не помога...
Теперь он холодный труп...
Там кто-то стучит у порога.
Припудрись...
Пойду отпру...»

Дебелая грустная дама
Откинула добрый засов.
И Прон мой ей брякнул прямо
Про землю,
Без всяких слов.
«Отдай!.. —
Повторял он глухо. —
Не ноги ж тебе целовать!»

Как будто без мысли и слуха
Она принимала слова.
Потом в разговорную очередь
Спросила меня
Сквозь жуть:
«А вы, вероятно, к дочери?
Присядьте...

Сейчас доложу...»

Теперь я отчетливо помню
Тех дней роковое кольцо.
Но было совсем не легко мне
Увидеть ее лицо.
Я понял —
Случилось горе,
И молча хотел помочь.
«Убили... Убили Борю...
Оставьте!
Уйдите прочь!
Вы – жалкий и низкий трусишка.
Он умер...
А вы вот здесь...»
Нет, это уж было слишком.
Не всякий рожден перенести.
Как язвы, стыдясь оплеухи,
Я Прону ответил так:
«Сегодня они не в духе...
Поедем-ка, Прон, в кабак...»

4

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочъ,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровей.
Туман припадает ниц,
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.

Мой мельник вовсю улыбается,
Какая-то веселость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!»
Я рад и охоте...
Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон.
«Дружище!
С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех р-раз – и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин – старшой комиссар.
Дружище!

Вот это номер!
Вот это почин так почин.
Я с радости чуть не помер,
А брат мой в штаны намочил.
Едри ж твою в бабушку плюнуть!
Гляди, голубарь, веселей!
Я первый сейчас же коммуну
Устрою в своем селе».

У Прона был брат Лабутя,
Мужик – что твой пятый туз:
При всякой опасной минуте
Хвальбишка и дьявольский трус.
Таких вы, конечно, видали.
Их рок болтовней наградил.
Носил он две белых медали
С японской войны на груди.
И голосом хриплым и пьяным
Тянул, заходя в кабак:
«Прославленному под Ляояном
Ссудите на четвертак...»
Потом, насосавшись до дури,
Взволнованно и горячо
О сдавшемся Порт-Артуре
Соседу слезил на плечо.
«Голубчик! —
Кричал он. —
Петя!

Мне больно... Не думай, что пьян.
Отвагу мою на свете
Лишь знает один Ляоян».

Такие всегда на примете.
Живут, не мозоля рук.
И вот он, конечно, в Совете,
Медали запрятал в сундук.
Но с тою же важной осанкой,
Как некий седой ветеран,
Хрипел под сивушной банкой
Про Нерчинск и Турухан:
«Да, братец!
Мы горе видали,
Но нас не запугивал страх...»

...
Медали, медали, медали
Звенели в его словах.
Он Прону вытягивал нервы,
И Прон материл не судом.
Но все ж тот поехал первый
Описывать снегинский дом.

В захвате всегда есть скорость:
– Даеть! Разберем потом!
Весь хутор забрали в волость
С хозяйками и со скотом.

А мельник...

...

Мой старый мельник
Хозяек привез к себе,
Заставил меня, бездельник,
В чужой ковыряться судьбе.
И снова нахлынуло что-то...
Когда я всю ночь напролет
Смотрел на скривленный заботой
Красивый и чувственный рот.

Я помню —

Она говорила:

«Простите... Была не права...

Я мужа безумно любила

Как вспомню... болит голова...

Но вас

Оскорбила случайно...

Жестокость была мой суд...

Была в том печальная тайна,

Что страстью преступной зовут.

Конечно,

До этой осени

Я знала б счастливую быль...

Потом бы меня вы бросили,

Как выпитую бутылку...

Поэтому было не надо...

Ни встреч... ни вообще продол-

жать...

*Тем более с старыми взглядами
Могла я обидеть мать».*

*Но я перевел на другое,
Уставясь в ее глаза,
И тело ее тугое
Немного качнулось назад.
«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор.*

...

*«Смотрите...
Уже светает.
Заря, как пожар на снегу...
Мне что-то напоминает...
Но что?
Я понять не могу...
Ах!.. Да...
Это было в детстве...
Другой... Не осенний рассвет...
Мы с вами сидели вместе...
Нам по шестнадцать лет...»*

*Потом, оглядев меня нежно
И лебедя выгнув рукой,*

Сказала как будто небрежно:
«Ну ладно...
Пора на покой...»

...
Под вечер они уехали.
Куда?
Я не знаю куда.
В равнине, проложенной вехами,
Дорогу найдешь без труда.
Не помню тогдашних событий,
Не знаю, что сделал Прон.
Я быстро умчался в Питер
Развеять тоску и сон.

5

Суровые, грозные годы!
Ну разве всего описать?
Слыхали дворцовые своды
Солдатскую крепкую «мать».

Эх, удаль!
Цветение в даях!
Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.
За хлеб, за овес, за картошку
Мужик залучил граммофон, —
Слюнявя козлиную ножку,

Танго себе слушает он.
Сжимаемая от прибыли руки,
Ругаясь на всякий налог,
Он мыслит до дури о штуке,
Катающейся между ног.

Шли годы
Размашисто, пылко...
Удел хлебороба гас.
Немало попрело в бутылках
«Керенок» и «ходей» у нас.
Фефела! Кормилец! Касатик!
Владелец землей и скотом,
За пару измызганных «катек»
Он даст себя выдрать кнутом.

Ну ладно.
Довольно стонов!
Ненужных насмешек и слов!
Сегодня про участь Прона
Мне мельник прислал письмо:
«Сергуха! За милую душу!
Привет тебе, братец! Привет!
Ты что-то опять в Криушу
Не кажешься целых шесть лет!
Утешь!
Соберись, на милость!
Прижваривай по весне!

У нас здесь такое случилось,
Чего не расскажешь в письме.
Теперь стал спокой в народе,
И буря пришла в угомон
Узнай, что в двадцатом годе
Расстрелян Оглоблин Прон.

Расея...

Дуровая зыкъ она.

Хошь верь, хошь не верь ушам —

Однажды отряд Деникина

Нагрязнул на криушан.

Вот тут и пошла потеха...

С потехи такой – околеть.

Со скрежетом и со смехом

Гульнула казацкая плеть.

Тогда вот и чикнули Проню,

Лабутя ж в солому залез

И вылез,

Лишь только кони

Казацкие скрылись в лес

Теперь он по пьяной морде

Еще не устал голосить:

«Мне нужно бы красный орден

За храбрость мою носить».

Совсем прокатились тучи...

И хоть мы живем не в раю,

Ты все ж приезжай, голубчик,

Утешить судьбину мою...»

* * *

И вот я опять в дороге
Ночная июньская хмарь.
Бегут говорливые дроги
Ни шатко ни валко, как встарь.
Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.

Я снова на мельнице...
Ельник
Усыпан свечьми светляков
По-старому старый мельник
Не может связать двух слов:
«Голубчик! Вот радость! Сергуха!
Озяб, чай? Поди, продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог.
Сергунь! Золотой! Послушай!
...
И ты уж старик по годам...

Сейчас я за милую душу
Подарок тебе передам».

«Подарок?»

«Нет...

Просто письмишко

Да ты не спеши, голубок!

Почти что два месяца с лишком

Я с почты его приволок».

Вскрываю... читаю... Конечно!

Откуда же больше и ждать!

И почерк такой беспечный,

И лондонская печать.

«Вы живы?.. Я очень рада...

Я тоже, как вы, жива.

Так часто мне снится ограда,

Калитка и ваши слова.

Теперь я от вас далеко...

В России теперь апрель.

И синюю заволокой

Покрыта береза и ель.

Сейчас вот, когда бумаге

Вверяю я грусть моих слов,

Вы с мельником, может, на тяге

Подслушиваете тетеревов.

Я часто хожу на пристань

И, то ли на радость, то ль в

страх,
Гляжу средь судов все присталь-
ней
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна».

...
Письмо как письмо.
Беспричинно.
Я в жисть бы таких не писал.

По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим
взглядам
Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие милые были!
Тот образ во мне не угас.

*Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.*

Январь 1925
Батум

Черный человек

Замысел поэмы относится ко времени зарубежной поездки Есенина в 1922–1923 годах. Возможно, тогда был написан её первый вариант, ныне неизвестный. В настоящем виде поэма создана в 1925 году, в течение двух вечеров 12 и 13 ноября. Сам Есенин говорил, что работал над поэмой под влиянием пушкинского «Моцарта и Сальери».

*Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта
боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.*

Голова моя машет ушами,

Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусава надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек,
Черный, черный!..

«Слушай, слушай, —
Бормочет он мне, —
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.

В декабре в той стране
Снег до дьявола чист,
И метели заводят
Веселые прялки.
Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.

Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Счастье, – говорил он, —
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.

В грозы, в бури,
В житейскую стынь,

При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбочивым и простым
—
Самое высшее в мире искусство».

«Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай».

Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой, —
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.

...
Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта
боль.

То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Ночь морозная.
Тих покой перекрестка.
Я один у окошка,
Ни гостя, ни друга не жду.
Вся равнина покрыта
Сыпучей и мягкой известкой,
И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду.

Где-то плачет
Ночная зловещая птица.
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук.
Вот опять этот черный
На кресло мое садится,
Приподняв свой цилиндр
И откинув небрежно сюртук.

«Слушай, слушай! —
Хрипит он, смотря мне в лицо,
Сам все ближе
И ближе клонится, —
Я не видел, чтоб кто-нибудь

Из подлецов
Так ненужно и глупо
Страдал бессонницей.

Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой мирику?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет «она»,
И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую, —
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,

Желтоволосый,
С голубыми глазами...

И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,

И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

...
...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.

Я один...
И разбитое зеркало...

14 ноября 1925

Примечания

Речь идёт о православных праздниках, называемых в народе первым, или медовым, Спасом (он отмечается 1 (14) августа) и вторым, или яблочным, Спасом (он отмечается 6 (19) августа).

[^^^]

2

Леха – гряда, ряд, полоска, борозда, межа.

[^^^]

Луговая трава.

[^^^]

4

Низший полицейский чин в сельской местности, выбираемый из крестьян.

[^^^]

5

Прибаутка; здесь: частушка.

[^^^]

6

Цевница – род свирели, популярный у крестьян духовой музыкальный инструмент.

[^^^]

7

В православной церкви поминальная служба по покойнику в течение сорока дней после смерти человека.

[^^^]

Стихотворение посвящено Александру Михайловичу Сахарову (1894–1952) – одному из близких друзей Есенина, издательскому работнику. В мае 1924 года он вместе с Есениным ездил в Константиново.

[^^^]

Здесь: здание сельского правления.

[^^^]

10

Город на юге Ирана, родина Саади и Хафиза.

[^^^]

Стихотворение обращено к сестре, Екатерине Александровне Есениной (1905–1977).

[^^^]

Слова Пушкина (*прим. С. Есенина*).

[^^^]

«Липа» – подложный документ.(Прим. С. Есенина).

[^^^]